

К Феодору падшему

Феодор, к которому относятся предлагаемые Увещения, написанные около 369 года по Р. Х., был сверстником и другом Св. Иоанна Златоустого и вместе с ним в юности посвятил себя подвигам отшельнической жизни, но вскоре оставил их для занятий и удовольствий мира. Св. Иоанн в своих Увещениях призывал его к раскаянию изображением гибельности состояния грешников, кратковременности и тщетности настоящих благ, изложением грозных и утешительных истин Христианской веры и другими убеждениями, которые подействовали на падшего Феодора, так что он возвратился в общество отшельником и впоследствии был возведен в сан епископа мопсуестского.

Оглавление

УВЕЩАНИЕ 1-е	2
УВЕЩАНИЕ 2-е	25

УВЕЩАНИЕ 1-е.

1. "Кто даст голове моей воду и глазам моим – источник слез" (Иер.9:1), благовременно сказать теперь и мне, и гораздо более, нежели тогда пророку; потому что я намерен оплакивать хотя не множество городов и не целые народы, но душу, которая стоит, а лучше сказать – и дороже множества народов. Если даже один исполняющий волю Божию лучше тысяч беззаконников, то, конечно, и ты прежде был лучше тысяч Иудейских. Посему никто не станет теперь порицать меня, если я изложу больше скорбей и изображу сильнейшие сетования, нежели какие изложены у пророка. Я оплакиваю не разрушение города и не пленение беззаконных мужей, но опустошение священной души и разрушение и истребление христоноснаго храма. Кто, зная хорошо, сожженную теперь диаволом, красоту ума твоего в то время, когда блистала она, не восстенал бы плачем пророка, – слыша, что варварские руки осквернили святое святых, и, подложив огонь, сожгли все – херувимов, ковчег, очистилище, скрижали каменные, стамну златую? Поистине, это несчастье во столько крат горестнее того, во сколько крат драгоценнее те символы, которые хранились в душе твоей. Этот храм святее того, потому что он блистал не золотом и серебром, а благодатию Духа, и, вместо ковчега и херувимов, в нем обитали Христос, и Его Отец, и Утешитель. А теперь уже не то: он теперь пуст и лишен прежней красоты и благолепия, потерял божественное и несказанное украшение, и лишился всякой безопасности и охраны: нет у него ни двери, ни запора, и он открыт для всех душепагубных и постыдных помыслов. Помысл ли гордости, помысл ли блуда, помысл ли сребролюбия, или еще гнуснейшие помыслы устремятся войти в него, – никто не помешает этому; а прежде, как небо недоступно всему этому, так (недоступна была) и чистота ума твоего. Может быть, слова мои покажутся невероятными некоторым из тех, кто видят теперь твое запустение и извращение; поэтому я и скорблю и сетую, и не перестану делать это, доколе опять не увижу тебя в прежнем блеске. Хотя людям и представляется это невозможным, но для Бога все возможно: потому что Он "из праха поднимает бедного, из брения возвышает нищего, чтобы посадить его с князьями, с князьями народа его; неплодную вселяет в дом матерью, радующеюся о детях?" (Пс.112:7-9). Не отчаивайся в перемене на лучшее. Если диавол был силен настолько, что низринул тебя с вершины и высоты добродетели до крайностей порока, то гораздо более силен будет Бог опять возвести тебя в прежнюю свободу, и сделать не только таким же, но и гораздо блаженнейшим прежнего. Только не унывай, не теряй добрых надежд, не впадай в страсть нечестивых. В отчаяние обыкновенно ввергает не многочисленность грехов, но нечестивое состояние души. Посему и Соломон не просто сказал: всякий, кто "достигнет до глубины зол", но только – один "нечестивый": "когда достигнет нечестивый до глубины зол, нерадит" (Прит.18:3). Только таким людям свойственна эта страсть, когда они приходят в глубину зол. Она-то не допускает их воспрянуть и опять взойти туда, откуда ниспали. Этот помысл, как бы какое ярмо, лежа на вые души и заставляя ее смотреть вниз, препятствует ей возводить взоры к своему Владыке. Но человеку мужественному и доблестному свойственно сокрушать это ярмо, прогонять от себя палача, который возложил его, и произносить слова пророка: "как очи рабы – на руку госпожи ее, так очи наши – к Господу, Богу нашему, доколе Он помилует нас. Помилуй нас, Господи, помилуй нас, ибо довольно мы насыщены презрением" (Пс.122:2,3). Истинно божественны эти наставления и внушения горяго любомудрия. "Насыщены", говорит он, "презрением" и потерпели многочисленные бедствия; однако, не перестанем возводить взоры свои к Богу и

просить Его, доколе не получим просимого. Мужественной душе свойственно – не упадать и не отчаиваться пред множеством постигающих бедствий, и после многократных и безуспешных молитв не отступать, но ожидать "доколе Он помилует нас", как говорит блаженный Давид.

2. Диавол для того и ввергает нас в помыслы отчаяния, чтобы истребить надежду на Бога. – этот безопасный якорь, эту опору нашей жизни, этого руководителя на пути, ведущем к небу, это спасение погибающих душ. "В надежде", говорит (апостол), "мы спасены" (Рим. 8:24). Ибо оно, как бы какая крепкая цепь, свешенная с неба, поддерживает наши души, мало-помалу поднимая на высоту тех, которые крепко держатся за нее, и вознося нас превыше бури житейских зол. Посему, если кто ослабевает и опустит из рук этот священный якорь, тот сейчас же упадет и погибнет в бездне порока. Зная это, лукавый, как только заметит, что мы сами тяготимся сознанием злых дел, пришедши и сам еще налагает на нас помысл отчаяния, который тяжелее свинца; и если мы примем его, то увлекаемые тяжестью и оторванные от той цепи, неизбежно тотчас низринемся во глубину зол, где именно и находишься ты теперь, отвергнуши повеления кроткого и смиренного Господа и выполняя все приказания жестокого, свирепого и неумолимого врага нашего спасения, расторгши благое иго и сбросив легкое бремя, и вместо них наложив на себя цепи железные и повесив на шею свою "мельничный жернов" (Мф.18:6). Где же ты остановишься, и когда перестанешь потоплять бедную душу свою, наложив на себя такую необходимость – непрестанно уноситься вниз? Женщина, отыскавшая одну драхму, пригласила соседок, принять участие в ее радости, сказав: "порадуйтесь со мною" (Лк. 15:9); а я теперь приглашу всех друзей и моих и твоих к противоположному, скажу не – "радуйтесь со мною", но – "плачьте со мною, подымите такой же плач, и вопите вместе с нами горьким голосом. Ибо нас постигла крайняя беда, не столько-то талантов золота выпало из руки моей и не множество драгоценных камней, но тот, кто, драгоценнее всего этого, плывши вместе с нами поэтому великому и пространному морю, не знаю как, свалился и упал в самую глубину гибели".

3. Тем, которые попытались бы удержать меня от сетования, я скажу словами пророка: "оставьте меня, я буду плакать горько; не усиливайтесь утешать меня" (Ис.22:4). Настоящий плач мой не таков, чтобы чрезмерность сетования навлекла на меня осуждение, но таков, что при нем не постыдились бы плакать, сетовать и отвергать всякое утешение даже (апостолы) Павел и Петр. Справедливо стал бы кто-нибудь обличать в большом малодушии тех, которые оплакивают обыкновенную смерть. Но когда, вместо тела, лежит омертвевшая душа, пораженная множеством ран, и в самой мертвенности являющая прежнее свое благородство, и благообразие, и красоту погасшую, то может ли кто быть столь жестоким и бесчувственным, чтобы, вместо плача и сетований, предлагать слова утешения? Как там не плакать, так здесь плакать свойственно любомудрию. Тот, кто достигал неба, смеялся над суетою жизни, взирал на красоты телесные как на каменные, кто пренебрегал золотом как пылью, а всяким удовольствием как грязью, – тот, неожиданно для нас, объятый пламенем нечистой похоти, потерял и здоровье, и мужество, и всякую красоту, и сделался рабом наслаждений. О нем ли не плакать, скажи мне, о нем ли не сокрушаться, доколе опять не будет он нашим? И свойственно ли это человеческой душе? Отмены телесной смерти невозможно достигнуть на земле, и однако это не удерживает сетующих от плача; а душевную смерть только и можно уничтожить здесь: "во гробе", говорит (Давид), "кто будет славить Тебя" (Пс.6:6)? Посему не

будет ли великим безрассудством с нашей стороны, если в то время, как оплакивающие смерть телесную сетуют о ней с такою силою, хотя и знают, что слезами не воскресить им умершего, – мы не будем выражать ничего подобного, хотя знаем, что часто бывает надежда возвратить погибшую душу к прежней жизни? Ибо многие, и ныне и во времена наших предков, уклонившись от прямого положения и свергнувшись с тесного пути, опять восстали настолько, что последующим покрыли прежнее, получили награду, украсились венцом, прославлены с победителями и причислены к лику святых. Доколе кто остается в пламени наслаждений, доколе ему, хотя бы он имел множество таких примеров, представляется это делом невозможным; но как только он немного начнет выходить оттуда, то, постоянно идя вперед, силу огня оставит позади себя, а впереди пред собою почувствует прохладу и великое облегчение. Только не будем отчаиваться, не будем отказываться от возвращения: потому что допустившему себя до такого состояния, хотя бы одарен был безмерною силою и ревностию, они будут бесполезны. Кто уже затворил для себя дверь покаяния и заградил вход на поприще (подвижничества), как он будет в состоянии, находясь вне его, сделать малое или великое добро? Посему-то лукавый предпринимает все, чтобы внушить нам этот помысл: после этого уже не нужны будут ему усилия и труды для нашего поражения, когда сами лежащие и падшие не хотят противиться ему. Кто мог избежать этих уз, тот и силу свою сохранит и до последнего издыхания не перестанет сражаться с ним, и хотя бы испытал множество других падений, опять восстанет и сокрушит врага. Напротив, кто связан помыслами отчаяния и обессилил себя, тот как будет в состоянии победить врага и противостать ему, когда сам бежит от него?

4. Не говори мне, что так бывает лишь с невеликими грешниками; нет, пусть даже человек будет исполнен всякого порока и сделает все, что затворяет для него вход в царствие, и притом не из неверных от начала, но из верных и благоугождавших прежде Богу, пусть такой сделается впоследствии блудником, прелюбодеем, сластолюбцем, хищником, пьяницею, мужеложником, сквернословцем и т. п., – и такого я не похваляю, если он будет отчаиваться в себе, хотя бы он до самой глубокой старости провел такую несказанно порочную жизнь. Если бы гнев Божий был страстию, то справедливо иной стал бы отчаиваться, как не имеющий возможности погасить пламень, который он возжег столь многими злодеяниями; но так как Божество бесстрастно, и наказывает ли, поражает ли, делает это не с гневом, но по промыслению и великому человеколюбию, то надлежит иметь крепкое дерзновение и уповать на силу покаяния. Бог не за Себя мстит тем, которые согрешили против Него; ибо никакой вред не достигает до существа Его; но при этом имеет в виду нашу пользу, и то, чтобы мы не увеличивали своего развращения, продолжая оказывать Ему пренебрежение и презрение. Как удаляющийся от света не вредит нисколько свету, а самому себе весьма много, погружаясь во мрак; так и привыкший пренебрегать Всемогущею силою, ей не вредит нисколько, а самому себе причиняет крайний вред. Посему Бог и угрожает нам наказаниями, и часто посылает их – не для того, чтобы отомстить за Себя, но чтобы нас привлечь к Себе. Ибо и врач не сетует и не обижается наносимыми ему от больных оскорблениями, но всячески старается остановить их бесчинства, имея в виду не свою, а их пользу; и если они покажут хотя немного благоразумия и здравомыслия, он радуется и веселится, и тем сильнее употребляет лекарства, не для того, чтобы отмстить им за прежнее, но чтобы доставить больше пользы и довести их до совершенного выздоровления. Так и Бог, когда мы впадем в крайнее безумие, и говорит и

делает все не из мести за прежнее, но желая избавить нас от недуга, в чем можно убедиться и посредством здравого смысла.

5. Если же кто и после этого будет сомневаться, то мы уверим его в том и божественным Писанием. Кто, скажи мне, был преступнее царя Вавилонского? Он, после того, как уже настолько испытал силу Божию, что поклонился пророку Его, и приказал "принести ему дары и благовонные курения" (Дан.2:46), опять предался прежней гордости, и связав ввергнул в печь тех, которые не почтили его больше Бога. И однако этого жестокого и нечестивого (Царя), более зверя, нежели человека, (Бог) призывает к покаянию и доставляет ему еще друга побуждения к исправлению: во-первых, самое чудо, совершившееся в печи, а затем видение, которое видел царь, а истолковал Даниил, достаточное для того, чтобы преклонить и каменную душу; а сверх того, после увещания делами, и сам пророк дал ему такой совет: "посему, царь, да будет благоугоден тебе совет мой: искупи грехи твои правдою и беззакония твои милосердием к бедным; вот чем может продлиться мир твой" (Дан.4:24). Что говоришь ты, премудрый и блаженный? Ужели возможен и после такого отпадения возврат, и после такой болезни здравие, и после такого безумства надежда образумиться? Царь сам уже отнял у себя всякую надежду, тем, во-первых, что не познал Создавшего его и возведшего на такую честь, хотя и имел сведения о многих доказательствах силы и промысла Его и на себе самом, и на своих предках; а после того еще тем, что, получив ясные свидетельства мудрости и предведения Божия, и виде, как ниспровергнуты были и магия, и астрономия, и действия всякого диавольского волхования, оказался хуже прежнего. Ибо, чего не могли изъяснить мудрые волхвы, газарины, и что признали они превышающим природу человеческую, то Бог изъяснил ему через пленного отрока, и этим чудом довел его до того, что он не только сам уверовал, но и сделался ясным проповедником и наставником этого верования для всей вселенной. Таким образом, если он и прежде этого знамения не заслуживал прощения за свое неведение о Боге, то гораздо более после такого чуда, после собственного исповедания, и преподанного наставления другим. Если бы он не был точно уверен, что истинный Бог – один, то и не оказал бы такой чести рабу Его, и другим не дал бы такого же приказания. И однако, после такого исповедания, он опять впал в идолослужение, и тот, кто, падши на лицо, поклонился рабу Божию, дошел до такого безумия, что рабов Божиих, не поклонившихся ему, ввергнул в печь. Что же? Отомстил ли Бог отступнику, как надлежало отмстить? Напротив, Он представил ему еще большие доказательства своего могущества, чтобы привести его, после такого безумства, опять в прежнее состояние. И что особенно удивительно: дабы чудные события, по чрезмерности своей, не показались невероятными, Он сотворил знамение не над другим чем-либо, а над тою пещью, которую разжег сам царь для отроков, и в которую, связав, ввергнул их. Конечно, чудесным и необычайным было бы и то, если бы только огонь был погашен. Но Человеколюбец, дабы внушить больше страха, произвести больше изумления и совершенно прекратить ослепление царя, сделал большее и необычайнейшее чудо. Попустив, чтобы огонь разожжен был настолько, насколько хотелось царю, Он являет свое могущество в том, что, не уничтожая приготовлений врагов, делает готовое недействительным. А чтобы кто-нибудь, увидев отроков победившими пламень, не счел этого привидением, (Бог) попустил, чтобы опалены были ввергнувшие их, показывая с одной стороны то, что видимый пламень был действительно огонь, иначе бы не пожрал нефть, и смолу, и хворост, и столько тел; а с другой – то, что нет ничего сильнее Его повеления, но что природа всего сущего

повинуется приведенному ее из небытия в бытие, – что тогда именно и обнаружилось: ибо огонь, приняв тела тленные, не коснулся их как бы нетленных, и возвратил жертву в целости, даже еще в большем блеске. Ибо, как бы цари из чертогов царских, вышли из печи эти отроки, так что никто уже не хотел смотреть на царя, но взоры всех обратились от него на чудное явление; и ни диадима, ни порфира, ни что другое из царского великолепия не привлекало столько к себе толпы неверных, сколько вид этих верных, долго пробывших в огне, но вышедших из него так, как будто это случилось с ними во сне. Даже и волосы, которые по природе у нас удобосожигаемое всего, крепче алмазита превозмогли тогда всепоглощающий пламень. И не это одно дивно, что, быв ввергнуты в средину пламени, они нисколько не пострадали, но и то, что они еще непрестанно говорили; между тем всем, бывавшим при людях сожигаемых, известно, что пока они держат уста сомкнутыми, то хотя на краткое время противятся сожжению, но лишь случится им раскрыть уста, душа тотчас же вылетает из тела. И, однако после столь многих совершившихся чудес, и когда все присутствовавшие и видевшие пришли в изумление, а отсутствовавшие извещены были об этом письменно, – царь, который учил других, сам остался неисправимым и опять обратился к прежним порокам. И при всем этом Бог не наказал его, но еще долго терпел, вразумляя его и чрез сновидения, и чрез пророка. Только когда уже он никаким из этих способов нимало не исправился, Бог, наконец, наводит на него казнь, не отмщая впрочем за прошедшее, но пресекая будущее зло, и удерживая порок от преуспевания; притом наказал не навсегда, но после нескольких лет наказания опять возвел его в прежнюю честь, так что он от наказания не потерпел никакого вреда, а приобрел величайшее из всех благ – утверждение в вере в Бога и раскаяние в прежних своих грехах.

6. Таково человеколюбие Божие! Никогда Он не отвергает искреннего раскаяния; но хотя бы кто дошел до самой крайней порочности, а потом решился бы возвратиться опять оттуда на путь добродетели, и такого Он принимает и приближает к Себе, и делает все, чтобы привести его в прежнее состояние. И еще более человеколюбия вот в чем: если кто окажет не полное раскаяние, то и краткого и малого Он не отвергает; даже и за него назначает великую награду. Это видно из слов пророка Исаии, которые он сказал о народе иудейском: "за грех корыстолюбия его Я гневался и поражал его, скрывал лице и негодовал; но он, отворившись, пошел по пути своего сердца. Я видел пути его, и исцелю его, и буду водить его и утешать его и сетующих его" (Ис.57:17,18). Засвидетельствует нам это и тот нечестивый царь, который женою своею был увлечен к преступлениям, но как только заплакал, оделся во вретисце и раскаялся в своих беззакониях, то и приклонил к себе милость Божию, так что избавился от всех угрожавших бедствий. "И было слово Господне к Илии Фесвитянину, и сказал Господь: видишь, как смирился предо Мною Ахав? За то, что он смирился предо Мною, Я не наведу бед в его дни" (3Цар.21:28,29). Опять позже Манассия, который безумием и жестокостию превзошел всех, ниспроверг законное богослужение, затворил храм, способствовал процветанию идольского заблуждения и был нечестивее всех предшественников, – когда потом раскаялся, был причислен к друзьям Божиим (2 Пар. 33:12). Если бы он, посмотрев на тяжесть своих беззаконий, отчаялся в своем обращении и исправлении, то лишился бы всего, что получил после; а теперь возрев, вместо чрезмерности своих грехов, на беспредельность благоутробия Божия, и расторгши узы диавольские, он восстал, подвизался и доброе течение совершил. Впрочем, Бог отсекает помыслы отчаяния не только тем, что было с этими царями, но и словами пророка: "о, если бы вы ныне послушали гласа Его: "не ожесточите сердца

вашего, как в Мериве, как в день искушения в пустыне"" (Пс.94:7,8). Выражение "ныне" можно относить ко всей жизни, даже, если угодно, и к старости; потому что покаяние ценится не по продолжению времени, но по душевному расположению. Так для ниневитян, не было нужды во многих днях, чтобы загладить грех свой, но краткого дневного срока было достаточно для изглаждения беззакония их; и разбойник не в течение долгого времени достиг входа в рай, но во столько времени смыл все грехи всей своей жизни, сколько употребляется его на произнесение одного слова, получил еще прежде апостолов награду прославления. Посмотрим и на мучеников, которые не во многие годы, но в несколько дней, а часто и в один только день, удостоивались светлых венцов.

7. Итак, нам всегда нужно иметь бодрость и великое усердие, и если так настроим совесть свою, что возненавидим прежнюю порочную жизнь и выберем противоположный путь с такою силою, какой хочет и требует Бог; то от времени ни чего не потеряем, так как многие, быв последними, опередили первых. Тяжко не падение, а то, чтобы, упавши, лежать и уже не вставать, – то, чтобы произвольно делая зло и пребывая в беспечности, помыслами отчаяния прикрывать слабость воли. Таким людям и пророк, недоумевая, говорит: "разве, упав, не встают и, совратившись с дороги, не возвращаются?" (Иер.8:4). Если же ты спросишь нас о тех, которые после уверования опять пали, то все сказанное относится и к ним; ибо, кто пал, тот был прежде в числе стоявших, а не лежащих, иначе как бы он и пал? И еще будет сказано, отчасти притчами, а отчасти яснейшими делами и словами. Так овца, которая отделилась от девяноста девяти и потом опять была приведена назад, изображает нам не иное что, как отпадение и возвращение верных, потому что она была овца, и притом не другого какого-нибудь стада, но из числа прочих овец, и прежде паслась пастырем, и заблудилась не обычным образом, но в горах и стремнинах, т.е. на пути каком-то далеком и весьма уклонившемся от прямой дороги. Но пастырь оставил ли ее блуждать? Никак; он привел ее назад, не пригнав и не бив, но взяв на рамена свои. Ибо как лучшие врачи с великим попечением возвращают здоровье одержимым продолжительною болезнью, не только врачуют их по правилам врачевания, но иногда и доставляя им удовольствие, так и Бог, весьма испорченных людей обращает к добродетели не вдруг и насильственно, но тихо и мало-помалу, и всегда помогая им, чтобы не приключилось еще большего отчуждения и продолжительнейшего заблуждения. На это указывает не только эта притча о блудном сыне. Он также был не чужой кто-либо, но сын и брат благонравного сына, и низринулся не в маловажный порок, а в самую, можно сказать, крайнюю порочность, – богатый, свободный и благородный сделался несчастнее рабов и чужих людей и наемников. И, однако, он опять возвратился в первобытное состояние и получил прежнюю честь. А если бы он отчаялся в своей жизни и, пав духом от постигших его бед, остался на чужбине, то не получил бы того, что получил, а изнуренный голодом, погиб бы самую жалкою смертию. А так как он раскаялся и не впал в отчаяние, то после такого растления опять является в прежнем благообразии, облекается в прекрасную одежду и получает больше непавшего брата. Ибо "столько лет", говорил этот, "служу тебе и никогда не преступал приказаний твоего, но ты никогда не дал мне и козленка, чтобы мне повеселиться с друзьями моими; а когда этот сын твой, расточивший имение свое с блудницами, пришел, ты заколол для него откормленного телянка" (Лук.15:29,30). Такова сила покаяния!

8. Имея такие примеры, не станем коснеть в пороках и откладывать обращение, но скажем и мы: "иду ко отцу моему", и приблизимся к Богу. Он сам никогда не отвращается от

нас, но мы удаляем себя от Него: "разве Я – Бог только вблизи, говорит Господь, а не Бог и вдали?" (Иер.23:23). И опять чрез пророка укоряя иудеев, говорит: "беззакония ваши произвели разделение между вами и Богом вашим, и грехи ваши отвращают лице Его от вас" (Ис.59:2). Если же это удаляет нас от Бога, то разрушим эту пагубную преграду, и – ничто не будет препятствовать нам быть близко к Богу. Послушай, как это происходило на самом деле. У коринфян один знатный человек совершил такой грех, какого не слышно было и между язычниками. Он был верный и из близких ко Христу, а некоторые говорят даже, что он был из числа священнослужителей. Что же? Исключил ли его Павел из общества спасаемых? Никак: сам он много раз, и там, и здесь, укорял коринфян за то, что они не привели его в покаяние; а желая показать нам, что нет греха, который бы не мог быть уврачеван, опять об этом человеке, который согрешил хуже язычников, сказал: "предать сатане во измождение плоти, чтобы дух был спасен в день Господа нашего Иисуса Христа" (1Кор.5:5). Но это еще до покаяния; когда же тот покался, то "для такого довольно", говорит, "сего наказания от многих" (2Кор.2:6) – и предписал утешить его и принять его покаяние, дабы не возобладал им сатана. И целый народ галатов, которые пали после того, как уже веровали, совершали знамения и перенесли много искушений за веру во Христа, он восстанавливает опять. Что они творили чудеса, это выразил он словами: "подающий вам Духа и совершающий между вами чудеса через дела ли закона сие производит, или через наставление в вере?" (Гал.3:5); и что они много страдали за веру, это выразил словами: "столь многое потерпели вы неужели без пользы?" (Гал.3:4). Между тем после такого преуспевания они совершили грех, который мог отчуждать их от Христа, и о котором сам (Павел) выражается так: "вот, я, Павел, говорю вам: если вы обрезываетесь, не будет вам никакой пользы от Христа" (Гал.5:2); и еще: "оправдывающие себя законом, остались без Христа, отпали от благодати" (Гал.5:4). И однако, после такого падения, он с благорасположением говорит им: "дети мои, для которых я снова в муках рождения, доколе не изобразится в вас Христос" (Гал.4:19), показывая этим, что в нас, и после крайнего растления, может опять изобразиться Христос, потому что Он не хочет "смерти грешника, но чтобы грешник обратился от пути своего и жив был" (Иез.33:11).

9. Обратимся же, о, любезная глава! и будем исполнять волю Божию. Он для того и создал нас и привел в бытие, чтобы сделать участниками вечных благ, чтобы даровать царство небесное, а не для того, чтобы ввергнуть в геенну и предать огню; это не для нас, а для диавола, для нас же издревле устроено и уготовано царство. Изъясняя то и другое, Господь говорит "тем, которые по правую сторону Его: приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира"; а "тем, которые по левую сторону: идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его" (Матф.25:34,41). Итак, геенна приготовлена не для нас, но для него и ангелов его; а царство для нас уготовано еще до создания мира. Не сделаем же себя недостойными входа в чертог: доколе мы пребываем здесь, то, хотя бы совершили множество грехов, есть возможность омыть все, раскаявшись во грехах; но когда отойдем туда, то, хотя бы оказали самое сильное раскаяние, никакой уже не будет пользы, и сколько бы не скрежетали зубами, ни сокрушались и ни молились тысячекратно, никто и с конца перста не подаст капли нам, объатым пламенем, но мы услышим то же, что и известный богач, - что "между нами и вами утверждена великая пропасть" (Лук.16:26). Покаемся же здесь, увещеваю, и познаем Господа своего, как познать надлежит. Тогда только должно будет отринути надежду на покаяние, когда мы будем в аду, потому что там только

бессильно и бесполезно это врачевство, а доколе мы здесь, оно, если и в самой старости будет употреблено, оказывает великую силу. Посему и диавол употребляет все усилия, чтобы вкоренить в нас помысел отчаяния: ибо знает, что если мы и немного покаемся, это будет для нас не бесплодно. Но как подавшего чашу холодной воды ожидает воздаяние, так и покающийся в злых делах своих, хотя бы и не оказал покаяния соразмерного с грехами, и за это получит воздаяние. Никакое добро, хотя бы и маловажное, не будет пренебрежено Праведным Судиею. Если грехи будут исследоваться с такою строгостью, что мы понесем наказание и за слова и за желания; то гораздо более добрые дела, малы ли будут, или велики, вменятся нам в то время. Итак, если ты даже не в состоянии будешь возвратиться к прежней строгой жизни, но хотя бы немного отвлекся он настоящего недуга и невоздержности, то и это не будет бесполезно; только положи начало делу и приступи к подвигам, а пока будешь оставаться вне, действительно будет казаться тебе трудным и неудобоисполнимым. Прежде опыта, даже весьма легкие и сносные дела обыкновенно представляются нам весьма трудными; но когда мы испытаем их и примемся за них смело, то большая часть трудности исчезает, и бодрость, заступив место опасения и отчаяния, уменьшает страх, увеличивает удобоисполнимость и укрепляет добрые надежды. Потому и Иуду лукавый отклонил от этого, чтобы он, сделав надлежащее начало, не возвратился чрез покаяние туда, откуда ниспал. Подлинно я сказал бы, - хотя и странны такие слова, - что и его грех не выше помощи, получаемой нами от покаяния. Посему прошу и умоляю, исторгни из души всякую сатанинскую мысль и обратись к этому спасительному средству. Если бы я советовал тебе тотчас и вдруг взойти опять на прежнюю высоту, то ты справедливо негодовал бы на это, как на весьма трудное дело; но если теперь я требую только того, чтобы не прибавлять к настоящим грехам, но, восстав возвратиться оттуда на противоположный путь, то почему же ты медлишь, и уклоняешься и сопротивляешься? Не видал ли ты, как умирали жившие в роскоши, пьянстве, играх и прочих удовольствиях жизни? Где теперь те, которые выступали по торжищу с великою надменностью и многочисленными спутниками, одевались в шелковые одежды, издавали от себя благовоние мастей, кормили нахлебников и постоянно прикованы были к зрелищам? Где теперь эта пышность их? Пропали огромные расходы на ужины, толпа музыкантов, угодничество ласкателей, громкий смех, беспечность души, рассеянность мысли, жизнь изнеженная, праздная и роскошная. Куда теперь улетело все это? Чем стало это тело, которое удостаивалось такой заботливости и чистоты? Пойди на могилу, посмотри на пыль, на прах, на червей, посмотри на безобразие этого места, и - горько восстенай. И о, если бы наказание ограничилось только этим прахом! Но от могилы и этих червей теперь перенесись мыслию к тому червю неумирающему, к огню неугасимому, к скрежету зубов, к тьме кромешной, к скорби и сокрушению, к притче о Лазаре и богатом, который, владея прежде таким богатством и одеваясь в порфиру, не мог получить и капли воды, и притом находился в такой крайности. Все здешнее нисколько не лучше сновидений. Ибо как работающие в рудокопнях или несущие какое-либо другое еще тяжчайшее наказание, когда, уснув после многих трудов и самой горькой жизни, во сне увидят себя в удовольствии и богатстве, проснувшись, нисколько не рады бываюот своим снам; так то же самое было и с тем богачом, который, пользуясь богатством в настоящей жизни как бы во сне, по отшествии отсюда потерпел тяжкое наказание. Подумай об этом, и тот огонь противопоставив объемлющему тебя теперь пламени вожделений, избавься, наконец, от этой печи. Ибо кто хорошо погасил здешнюю печь, тот не испытает и тамошней; а кто здешней не одолел, тем, по отшествии

отсюда, сильнее овладеет тамошняя. Насколько бы времени хотелось тебе продлить наслаждение настоящею жизнью? Я думаю, что тебе осталось не более пятидесяти лет, чтобы достигнуть крайней старости, но и это еще неизвестно нам; потому что те, которые не могут быть уверены в продолжении своей жизни даже до вечера, как могут поручиться за столько лет? И не одно это не известно, - не известна и перемена обстоятельств: часто с жизнью, продолжающеюся много времени, не продолжаются вместе и удовольствия, но как только появляются, так и исчезают. Впрочем, если угодно, пусть будет так, что ты проживешь столько лет и не испытаешь никакой перемены: что же это в сравнении с бесконечными веками и с теми тяжкими и невыносимыми наказаниями? Здесь и хорошее и худое имеет конец, и притом весьма скорый, а там - то и другое продолжается в бесконечные веки, а по качеству своему настолько отлично от здешнего, что и сказать невозможно.

10. Услышав об огне, не подумай, будто тамошний огонь таков же, каков здешний: этот, охватив что-либо, сжигает и погасает; а тот, кого однажды захватит, жжет постоянно, и никогда не перестает, почему и называется неугасимым. Ибо и грешникам надлежит облечься бессмертием, не к славе, но чтобы иметь всегдашнего спутника тамошнего мучения; а сколь это ужасно, того никогда не может изобразить слово, а только из опытного ощущения малых страданий можно получить некоторое слабое понятие о тех великих мучениях. Когда бываешь в бане, натопленной сильнее надлежащего, то представь себе огонь геенский, и если когда будешь гореть в сильной горячке, то перенесись мыслию к тому пламени: и тогда будешь в состоянии хорошо понять это различие. Если даже баня и горячка так мучат и беспокоят нас, то, что мы будем чувствовать тогда, когда попадем в ту огненную реку, которая будет течь пред страшным судилищем? Будем скрежетать зубами от страданий и нестерпимых мучений, но никто не поможет нам. Будем крепко стенать, когда пламень все сильнее станет охватывать нас, но не увидим никого, кроме мучимых вместе с нами и великой пустыни. А что сказать о тех ужасах, которые мрак будет наводить на наши души? Ибо тот огонь как не истребляет, так и не освещает; иначе не было бы мрака. Вообще одно только то время с достаточностью может показать имеющие тогда постигнуть нас смущение и трепетание, изнурение и иступление великое. Многочисленны и разнообразны тамошние муки, и потоки казней отовсюду объемлют душу. Если кто скажет: как же душа может быть достаточною для такого множества мучений и оставаться в наказаниях бесконечные веки? - тот пусть представит, что бывает здесь, - как часто многие выдерживали продолжительную и тяжкую болезнь. Если они и скончались, то не потому, чтобы душа исчезла, но потому, что тело истощилось, так что, если бы оно не изнурилось, то душа не перестала бы мучиться. Когда же душа получит нетленное и неразрушимое тело, тогда ничто не воспрепятствует мучению продлиться в бесконечность. Здесь не может быть того и другого вместе, то есть, жестокости и продолжительности мучений, но одно другому противится по причине тленности тела и неспособности одновременно переносить то и другое; а когда, наконец, наступит нетление, это сопротивление прекратится и оба эти страшилища с великою силою будут обнимать нас в бесконечность. Посему не будем рассуждать ныне так, будто чрезмерность мучений истощит нашу душу: ибо в то время и тело не может истощиться, но будет вместе с душою мучиться вечно, и никакого конца не будет. Итак, сколь же великое наслаждение и сколь продолжительное время хочешь ты противопоставить этому наказанию и мучению? Хочешь ли сто лет и дважды столько? Но что это в сравнении с бесконечными веками? Что сновидение одного дня в отношении к целой

жизни, то же значит наслаждение здешними благами в отношении к продолжительности будущих благ. Посему найдется ли такой человек, который для того, чтобы увидеть приятный сон, решился бы терпеть наказание во всю жизнь? Кто настолько неразумен, чтобы решиться на такое вознаграждение? Впрочем, теперь я еще не восстаю против наслаждения и не раскрываю заключающейся в нем горечи: потому что не теперь время говорить об этом, но когда ты будешь в состоянии бежать от него. Теперь же, когда страсть обладает тобою, мы показались бы тебе пустословом, если бы наслаждение назвали горьким; когда же ты, по благодати Божией, освободишься от недугов, тогда, верно узнаешь и злокачественность его. Посему, отложив речь об этом до другого времени, теперь скажем следующее. Пусть наслаждение будет наслаждением, и удовольствие - удовольствием, не имеющим в себе ничего неприятного и предосудительного: что мы скажем касательно уготованного наказания? Что тогда сделаем мы, наслаждавшиеся здешними благами как бы в тени и изображении, а там на самом деле подвергшиеся вечному мучению, и притом когда возможно было в краткое время и избегнуть упомянутых мучений, и получить уготованные блага? Подлинно, и то дело человеколюбия Божия, что подвиги наши простираются не на продолжительное время, но, подвизавшись краткое и самое малое, подобное мгновению ока, время (такова именно настоящая жизнь по сравнению с будущей), будем увенчаны на бесконечные веки. Немало и то будет печалить тогда души наказуемых, когда они представят, что между тем, как в эти краткие дни можно было исправить все, они, по своей беспечности, предали себя на вечные муки. Чтобы и нам не потерпеть этого, восстанем, доколе время благоприятно, доколе день спасения, доколе велика сила покаяния. Ибо, если мы останемся в беспечности, то нас постигнут не только сказанные бедствия, но и другие, гораздо тягчайшие. Такие и даже горчайшие бедствия будут в геенне, а лишение благ причинит такую печаль, такую скорбь и муку, что если бы и никакое наказание не ожидало здешних грешников, оно само по себе хуже геенских мук будет терзать и возмущать наши души.

11. Представь состояние той жизни, насколько возможно представить его себе: ибо вполне изобразить ее по достоинству не в состоянии никакое слово, но из того, что мы слышим, как бы из каких-нибудь загадок, мы можем получить некоторое неясное о ней представление. "Удалятся", говорит (Писание), "[болезнь], печаль и вздыхание" (Ис.35:10). Что же может быть блаженнее такой жизни? Не нужно там бояться ни бедности, ни болезни; не видно ни обижающего, ни обижаемого, ни раздражающего, ни раздражаемого, ни гневающегося, ни завидующего, ни распяемого непристойною похотью, ни заботящегося о приобретении необходимого для жизни, ни мучимого желанием власти и господства: ибо вся буря наших страстей, затихнув, прекратится, и все будет в мире, веселии и радости, все тихо и спокойно, все день, и ясность, и свет, - свет не этот нынешний, но другой, который настолько светлее этого, насколько этот блистательнее светильничного. Свет там не помрачается ни ночью, ни от сгущения облаков; не жжет и не палит тел, потому что нет там ни ночи, ни вечера, ни холода, ни жара, ни другой какой перемены времен, но иное какое-то состояние, которое познают одни достойные; нет там ни старости, ни бедствий старости, но все тленное отброшено, так как повсюду господствует слава нетленная. А что всего важнее, это - непрерывное наслаждение общением со Христом, вместе с ангелами, с архангелами, с горними силами. Посмотри теперь на небо, и перейди мыслью к тому, что выше неба, представь преобразование всей твари: она уже не останется такою, но будет гораздо прекраснее и светлее,

и насколько золото блестящее олова, настолько тогдашнее устройство будет лучше настоящего, как и блаженный Павел говорит: "что и сама тварь освобождена будет от рабства тлению" (Рим.8:21). Ныне она, как причастная тлению, терпит многое, что свойственно терпеть таким телам; но тогда, совлекшись всего этого, она представит нам нетленное благолепие. Так как она должна принять нетленные тела, то и сама преобразится в лучшее состояние. Нигде не будет тогда раздора и борьбы, потому что велико согласие в лице святых, при всегдашнем единомыслии всех друг с другом. Не нужно там бояться ни диавола и демонских козней, ни грозы геенской, ни смерти - ни этой нынешней, ни той, которая гораздо тяжелее этой; но всякий такой страх уничтожен. Подобно тому, как царский сын, первоначально воспитываемый в уничиженном виде, под страхом и угрозами, дабы от послабления он не испортился и не сделался недостойным отцовского наследия, по достижении царского достоинства вдруг переменяет все прежнее, и в порфире и диадеме, среди множества копьеносцев, председательствует с великим дерзновением, отринув от души всякое уничижение и смирение и вместо того восприняв другое: так будет тогда и со всеми святыми. А чтобы эти слова не показались простым красноречием, взойдем мыслию на гору, где преобразился Христос; взглянем на Него блистающего, как Он воссиял, хотя и тогда Он показал нам не все еще сияние будущего века; из самых слов евангелиста видно, что явленное тогда было только снисхождением, а не точным представлением предмета. Ибо что говорит он? "Просияет как солнце" (Матф.17:2). Слава нетленных тел являет не такой свет, какой это тленное тело, и не такой, какой доступен и смертным очам, но такой, для созерцания которого нужны нетленные и бессмертные очи. А тогда на горе Он открыл лишь столько, сколько возможно было видеть без вреда очам видевших; и при всем этом они не вынесли, но пали на лице свое. Скажи мне, если бы кто, приведя тебя на какое-либо светлое место, где все сидели бы облеченные в золотые одежды, и посреди этого собрания показал бы еще одного человека, имеющего одежды и венец на голове из одних драгоценных камней, потом обещал бы и тебя ввести в это общество, то не употреблял ли бы ты всех усилий, чтобы получить обещанное? Открой же теперь умственные очи и посмотри на то зрелище, состоящее не из простых мужей, но из тех, которые драгоценнее и золота, и дорогих камней, и лучей солнечных, и всякого видимого блеска, и не только из людей, но и из гораздо достойнейших, нежели они, - из ангелов, архангелов, престолов, господств, начал, властей? А о Царе и сказать нельзя, каков Он; так не доступна никакому слову и уму эта красота, доброта, светлость, слава, величие, великолепие. Таких ли благ лишит нам себя, скажи мне, для избежания маловременных тягостей? Если бы надлежало каждый день претерпевать множество смертей, даже - самую геенну, для того, чтобы увидеть Христа, грядущего во славе Своей, и быть причисленным к лику святых, то не надлежало ли бы претерпеть все это? Послушай, что говорит блаженный Петр: "хорошо нам здесь быть" (Матф.17:4). Если же он, увидев только неясный некоторый образ будущего, тотчас излил все из души вследствие наслаждения, происшедшего в душе его от этого зрелища, то что сказать, когда явится самая истина вещей, когда отверзнутся царские чертоги и можно будет созерцать самого Царя уже не в гадании и не в зеркале, но лицом к лицу, уже не верою, но видением?

12. Многие безрассудные желали бы только избавиться от геенны, но я считаю гораздо тягчайшим геенны наказанием - не быть в той славе; и тому, кто лишился ее, думаю, должно скорбеть не столько от геенских мучений, сколько о лишении небесных благ: ибо это одно есть

тягчайшее из всех наказаний. Ныне мы часто, видя царя с множеством копьеносцев входящим в царские чертоги, почитаем счастливыми приближенным к нему и участвующим с ним в разговоре, совете и прочей чести; даже обладая множеством благ, называем себя несчастными и нисколько не ценим этих благ, взирая на славу окружающих царя, хотя и знаем, что этот блеск обманчив и ненадежен по причине войн, по причине козней и по причине зависти, и помимо всего этого сам по себе не стоит никакого внимания. А в отношении к Царю всего, который обладает не частью земли, но всем кругом земли, или, лучше сказать, всю ее объемлет дланью и небеса измеряет пядью, носит все глаголом силы Своей, пред Которым все народы, как ничто, и как "плюновение" (Ис.40:15), - в отношении к этому Царю ужели мы не почтем крайним наказанием не быть включенными в тот лик, который около Него, и рады будем, если только избавимся от геенны? Что может быть жальче такой души? Этот Царь, не в запряжке белых мулов, не на золотой колеснице, не в порфире и диадеме, - не так грядет судить землю, но как? Послушай пророков, взывающих и говорящих об этом, как людям возможно сказать. Один говорит: "грядет Бог наш, и не в безмолвии: пред Ним огонь поядающий, и вокруг Его сильная буря. Он призывает свыше небо и землю, судить народ Свой" (Пс.49:3,4). А Исаия присовокупляет и самое наказание нам в следующих словах: "Вот, приходит день Господа лютой, с гневом и пылающею яростью, чтобы сделать землю пустынею и истребить с нее грешников ее. Звезды небесные и светила не дают от себя света; солнце меркнет при восходе своем, и луна не сияет светом своим. Я накажу мир за зло, и нечестивых - за беззакония их, и положу конец высокоумию гордых, и уничижу надменность притеснителей; сделаю то, что люди будут дороже чистого золота, и мужи - дороже золота Офирского. Для сего потрясу небо, и земля сдвинется с места своего от ярости Господа Саваофа, в день пылающего гнева Его" (Ис.13:9-13). И еще, "окна", говорит, "с [небесной] высоты растворятся, и основания земли потрясутся. Земля сокрушается, земля распадается, земля сильно потрясена; шатается земля, как пьяный, и качается, как колыбель, и беззаконие ее тяготеет на ней; она упадет, и уже не встанет. И будет в тот день: посетит Господь воинство выпреннее на высоте и царей земных на земле. И будут собраны вместе, как узники, в ров, и будут заключены в темницу" (Ис.24:18-22). И Малахия согласно с этим говорит: "идет Господь Саваоф. И кто выдержит день пришествия Его, и кто устоит, когда Он явится? Ибо Он - как огонь расплавляющий и как щелок очищающий, и сядет переплавлять и очищать как золото и как серебро" (Мал.3:2,3). И еще: "вот", говорит, "придет день, пылающий как печь; тогда все надменные и поступающие нечестиво будут как солома, и попалит их грядущий день, говорит Господь Саваоф, так что не оставит у них ни корня, ни ветвей" (Мал.4:1). А муж желаний говорит: "Видел я, наконец, что поставлены были престолы, и воссел Ветхий днями; одеяние на Нем было бело, как снег, и волосы главы Его - как чистая волна; престол Его - как пламя огня, колеса Его - пылающий огонь. Огненная река выходила и проходила пред Ним; тысячи тысяч служили Ему и тьмы тем предстояли пред Ним; судьи сели, и раскрылись книги" (Дан.7:9,10). Потом немного ниже, "видел", говорит, "в ночных видениях, вот, с облаками небесными шел как бы Сын человеческий, дошел до Ветхого днями и подведен был к Нему. И Ему дана власть, слава и царство, чтобы все народы, племена и языки служили Ему; владычество Его - владычество вечное, которое не прейдет, и царство Его не разрушится. Вострепетал дух мой во мне, Данииле, в теле моем, и видения головы моей смутили меня" (Дан.7:13-15). Тогда разверзнутся все врата сводов небесных, а лучше сказать, и самое небо истребится. "Небеса свернутся", говорит (пророк), "как свиток книжный" (Ис.34:4), свертываясь как бы кожа и покров какой-

либо палатки, чтобы измениться в лучшее. Тогда все исполнится изумления, ужаса и трепета; тогда и самих ангелов обмет великий страх, и не только ангелов, но и архангелов, и престолы и господства, и начала, и власти: "и поколеблются", говорит (Господь), "силы небесные" (Матф.24:29), потому что от сослужителей их потребуются отчет в здешней жизни. Если тогда, когда один какой город бывает судим земными правителями, трепещут все, даже и находящиеся вне опасности: то, когда вся вселенная будет судима таким Судиею, который не нуждается ни в свидетелях, ни в обличителях, но и без них всех обнаружит и дела, и слова, и мысли, и все как на картине покажет и самим грешникам, и не знающим, - возможно ли, чтобы тогда не потряслась и не поколебалась всякая сила? Поистине, если бы и река огненная не текла и страшные ангелы не предстояли, а только бы из собранных людей одни получали похвалу и прославление, а другие были отгоняемы с бесчестьем, чтобы не зреть славы Божией - ибо "нечестивый", говорит (пророк), "не будет взирать на величие Господа" (Ис.26:10), - и это было бы единственным наказанием, то лишение таких благ не мучительнее ли всякой геенны терзало бы души отверженные? Как велико это бедствие, ныне невозможно изобразить словом, а тогда мы ясно узнаем на деле. Но присоедини теперь и то еще наказание, - как люди не только терзаются стыдом, без прикрытия и с поникшим долу лицом, но и влекутся по пути, ведущему в огонь, как они приближаются к самым местам мучений и предаются свирепым силам, и терпят это в то время, когда все, делавшие доброе и достойное вечной жизни, увенчиваются, прославляются и поставляются пред престолом Царя.

13. Так будет в тот день, а что последует затем, какое слово изобразит нам это, т. е. происходящую от общения со Христом усладу, пользу и радость? Ибо душа, возвратив себе собственное благородство и придя, наконец, в состояние возможности с дерзновением созерцать своего Господа, нельзя и сказать, какое получает наслаждение, какую пользу в том, что утешается не только обладаемыми благами, но и уверенностью, что эти блага никогда не окончатся. Всю эту радость невозможно ни словом изобразить, не умом постигнуть. Впрочем, попытаюсь представить, хотя неясно и так, как показывают великое посредством малого. Посмотрим на тех, которые в настоящей жизни пользуются мирскими благами, то есть богатством, властью и славою, - как они, надмеваясь благосостоянием, думают, что они уже не на земле, хотя пользуются такими благами, которые и не признаются за блага и не остаются с ними, но улетают быстрее сновидения; если же иногда и остаются на малое время, то приносят удовольствие только в настоящей жизни, а далее не могут им сопутствовать. Если же даже эти блага приводят владеющих ими в такую радость, то что, думаешь ты, будет с душами, призванными к бесчисленным небесным благам, которые непреходящи и всегда пребывают благонадежными? И не этим одним, но и количеством и качеством они настолько превосходят настоящих благ, что и на сердце человеку никогда не всходило. Ныне живем мы в этом мире, как дитя в утробе, терпя стеснение и не будучи в состоянии видеть блеск и свободу грядущего века; когда же наступит время рождения, и настоящая жизнь всех воспринятых ею людей изведет на день суда, тогда недоношенные существа из мрака перейдут в мрак и из скорби в тягчайшую скорбь, а совершенные и сохранившие черты царского образа предстанут Царю и вступят в то служение, которым служат Богу всех ангелы и архангелы. Не истреби же, друг мой, до конца этих черт наших но, поскорее восстановив их, приведи в лучшее состояние. Телесную красоту Бог заключил в пределах природы, но красота души, как несравненно лучшая телесного благообразия, свободна от такой необходимости и

подчиненности, и вполне зависит от нас и от воли Божией. Человеколюбивый Владыка наш и тем особенно почтил род наш, что менее важное и мало полезное для нас, потеря чего безразлична, подчинил естественной необходимости, а распорядителями истинно доброго сделал нас самих. Если бы Он сделал нас властными и в телесной красоте, то мы и лишнюю заботу получили бы, и все время тратили бы на бесполезное, и весьма вознерадели бы о душе. Если и теперь, когда не дано нам такой власти, мы делаем все и употребляем все усилия к тому, и, не имея силы на самом деле, позволяем украшать себя цветами, красками, складкою волос, убранством одежд, расписыванием глаз и множеством других хитростей, придумываем себе, такую красоту: то стали ли бы мы прилагать какое-нибудь попечение о душе и о высоких предметах, когда бы имели возможность придавать телу действительно прекрасный вид? Может быть, если бы это было нашим делом, у нас и не было бы никакого другого дела, но все время мы проводили бы в том, чтобы рабу украшать бесчисленными прикрасами, а госпожу ее, хуже всякого невольника, оставлять в безобразии и пренебрежении. Посему Бог, освободив нас от этой пагубной заботы, вложил в нас способность к лучшему делу, так что не имеющий возможности сделать тело из безобразного красивым может душу свою, хотя бы она низошла до крайнего безобразия, возвести на самый верх красоты, и таким образом сделать ее достолюбезною и привлекательною, вожделенною не только для добрых людей, но и для самого Царя и Бога всех, как и псалмопевец, рассуждая об этой красоте, сказал: "и возжелает Царь красоты твоей" (Пс.44:12). Не видишь ли, что и в зазорных домах к женщинам безобразным и бесстыдным едва ли приблизятся даже единоборцы, беглые и борцы со зверями; если же какая женщина благообразная, благородная и стыдливая, по какому-нибудь обстоятельству, впадет в такую крайность, то и иной и из весьма знатных и важных людей не постыдится вступить в брак с нею? Если же у людей бывает такая жалость и такое презрение к славе, что они часто и обесчещенных под этою кровлею женщин избавляют от неволи и берут себе в супруги, то не гораздо ли более возможно это у Бога по отношению к душам, которые по насилию дьявола ниспали из первобытного благородства в блудилище настоящей жизни? Множество таких примеров ты найдешь у пророков, когда они обращают речь к Иерусалиму, который также впадал в блудодеяние, и притом в некоторое новое блудодеяние, как говорит Иезекииль: "всем блудницам дают подарки, а ты сама давала подарки всем; и потому ты поступала в противность другим" (Иез.16:33,34); и еще другой: "сидела ты для них, как Аравитянин в пустыне, и осквернила землю блудом твоим" (Иер.3:2). И такой город, столь блудодейный, Бог опять призывает к себе. Самый плен (иудеев) был не столько для наказания, сколько для обращения и исправления их; потому что, если бы Бог хотел решительно наказать их, то не возвратил бы в отечество, не воздвиг бы еще более великого и блистательного и города, и храма. "Слава сего", говорит (пророк), "последнего храма будет больше, нежели прежнего" (Агг.2:9). Если же Бог не лишил покаяния города, многократно блудодействовавшего, то гораздо более примет твою душу, подвергшуюся первому падению. Поистине, никакой плотолобец, хотя бы крайне распаленный, не пламенеет так к любимой им, как Бог желает спасения наших душ. В этом можно убедиться как из повседневных событий, так и из божественных Писаний. Смотри у Иеремии в самом начале, и во многих местах у пророков, как Бог бывал пренебрегаем и презираем, и как Он опять приближался и искал любви отвращавшихся от Него, - что и сам Он в Евангелии выразил словами: "Иерусалим, Иерусалим, избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе! сколько раз хотел Я собрать детей твоих, как птица собирает птенцов своих под крылья, и вы

не захотели" (Матф.23:37). И апостол Павел в послании к Коринфянам сказал: "Бог во Христе примирил с Собою мир, не вменяя [людям] преступлений их, и дал нам слово примирения. Итак, мы - посланники от имени Христова, и как бы Сам Бог увещевает через нас; от имени Христова просим: примиритесь с Богом" (2Кор.5:19,20). Прими это теперь за сказанное и к нам. Ибо не только неверие, но и нечистая жизнь может произвести эту прискорбную вражду. "Потому что плотские помышления", говорит (Писание), "суть вражда против Бога" (Рим.8:7). Разрушим же эту преграду, ниспровергнем и умертвим, дабы достигнуть блаженного примирения, дабы опять сделаться вожделенными и любезными Богу.

14. Знаю, что ты теперь восхищаешься красотой Ермионы и думаешь, что на земле нет ничего подобного ее благообразию; но если ты, друг мой, захочешь, то будешь настолько благолепнее и прекраснее ее, насколько золотые статуи лучше глиняных. Если красота телесная так поражает и увлекает души многих, то когда она заблестит в душе, что может сравниться с такою красотой и благообразием? Телесной красоте основанием служит не что иное, как слизь, кровь, влага, желчь, и сок принятой пищи. Этим наполняются и глаза, и щеки, и все прочее; и если они не будут каждый день получать такого напоения, истекающего из чрева и печени, то вместе с тем, как только кожа высохнет более надлежащего и глаза впадут, и вся красота лица тотчас пропадет; – так что, если ты представишь себе, что именно скрывается внутри прекрасных глаз, что внутри прямого носа, что внутри уст и щек, то благообразие тела назовешь не иным чем, как гробом повапленным: такой нечистоты полна внутренность! Далее, если ты увидишь тряпку, запачканную чем-либо из таких веществ, например слизью или слюною, то не захочешь и концами пальцев дотронуться до нее, даже не станешь и смотреть на нее; а вместилищем и хранилищем их восхищаешься? А твоя красота была не такова, но (насколько выше ее), насколько небо лучше земли, или, вернее сказать, гораздо еще блистательнее и превосходнее. Конечно, никто никогда не видал души самой себе, без тела; но я попытаюсь представить тебе красоту ее иначе, по сравнению с высшими силами. Послушай, как их красота поразила мужа желаний: намереваясь изобразить их красоту и не могли найти такое тело, он прибег к металлическим веществам, но не удовольствовавшись и ими одними, взял в пример еще блеск молнии. Если же те (силы), проявившие существо свое не во всей чистоте и обнаженности, но весьма неясным и прикровенным образом, были, однако, столь блистательны, то какими должны они являться без всякого покрова? Нечто подобное надлежит представлять и о красоте души: будут, говорит (Господь) "равны Ангелам" (Лук. 20:36). Даже между телами, те, которые легче и тоньше приближаются к безтелесным предметам, гораздо лучше и превосходнее других. Небо прекраснее земли, огонь – воды, звезды – камней; а радугою мы восхищаемся гораздо более, нежели фиалками, розами и всеми другими цветами земными. Вообще, если бы возможно было увидеть красоту души телесными очами, ты посмеялся бы над всеми этими примерами тел, – так слабо они представляют нам благолепие души! Не будем же нерадеть о таком стяжании и таком блаженстве, тем более, что возвращение к этой красоте для нас удобно при надежде на будущее. "Ибо", говорит апостол, "кратковременное легкое страдание наше производит в безмерном преизбытке вечную славу, когда мы смотрим не на видимое, но на невидимое: ибо видимое временно, а невидимое вечно" (2Кор.4:17,18). Если же скорби, которые ты знаешь, блаженный Павел назвал нетяжкими и легкими, так как не смотрел на видимое, то тем легче тебе оставить нечистую похоть. Мы теперь зовем тебя не на опасности, не на ежедневные смерти, непрестанные удары, бичевания,

узы, борьбы со вселенною, вражду от домашних, беспрестанные бдения, продолжительные путешествия, кораблекрушения, нападения разбойников, козни от сродников, скорби о друзьях, голод, холод, наготу, зной, печаль о своих и не своих. Ничего такого мы не требуем теперь; об одном только просим, – освободиться от окаянного рабства и возвратиться к прежней свободе, представив себе и наказание за похоть и почесть за прежнюю жизнь. Если не верующие в учение о воскресении предаются беспечности и никогда не чувствуют этого страха, это нисколько не удивительно; а нам, надеющимся более на будущее, нежели на здешние блага, проводить столь жалкую и несчастную жизнь, ничего не ощущать при воспоминании о первых, но ниспасть до крайней бесчувственности, – это было бы весьма безрассудно. Когда мы – верующие будем поступать, как неверные, или станем вести себя хуже их (и между ними есть просиявшие житейскою добродетелию), какое, наконец, будет нам утешение, какое оправдание? Из купцов многие, потерпев кораблекрушение, не упали духом, но опять пошли тем же путем, хотя притом потерпели это несчастье не от собственной беспечности, но от силы ветров; а мы, которые можем надеяться на счастливый конец и верно знаем, что без нашей воли не постигнет нас ни кораблекрушение, ни малое какое-либо несчастье, мы ли не примемся опять за то же и не будем приобретать, по прежнему, но станем лежать без дела, сложив при себе руки? И о, если бы только при себе, а не против себя, – что означает явное безумие! Ведь если бы кто из борцов, оставив своего противника, обратил руки на свою голову и стал поражать собственное лицо, скажи мне, не причислили бы его к сумасшедшим? Дьявол поборол нас и поверг; следовательно надобно встать, а не влачиться далее и низвергать себя в пропасть, не прибавлять к его ударам еще своих собственных. И блаженный Давид пал таким же падением, каким и ты теперь; и не этим только, но потом и другим, то есть, убийством. Что же, остался ли он лежащим? Напротив, не тотчас ли с мужеством встал, и не ополчился ли на врага? Итак доблестно поразил его, что и по смерти своей сделался покровом для своих потомков. Ибо Соломону, который совершил великое беззаконие и сделался достойным тысячи смертей, Бог сказал, что ради Давида оставляется ему царство в целости, следующими словами: "отторгну от тебя царство и отдам его рабу твоему; но во дни твои Я не сделаю сего", почему?, "ради Давида, отца твоего; из руки сына твоего исторгну его" (3Цар.11:11,12). И Езекии, бывшему в крайней опасности, хотя и праведному, Он обещал помощь ради того же блаженного: "буду охранять", говорит, "город сей, чтобы спасти его ради Себя и ради Давида, раба Моего" (4Цар.19:34). Такова сила покаяния! А если бы Давид стал рассуждать так же, как и ты теперь, – именно, что уже невозможно умиловать Бога, и если бы сказал сам в себе: "Бог почтил меня великою честью, причислил к пророкам, и вручил начальство над единоплеменниками, и избавил от множества опасностей: как же я, после столь многих благодеяний, огорчив Его и дерзнув на крайние беззакония, могу опять умиловать Его?" Если бы он стал рассуждать так, то не только не сделал бы того, что совершил впоследствии, но уничтожил бы и прежние свои дела.

15. Не только телесные, но и душевные раны, будучи оставлены без внимания, причиняют смерть. Между тем мы дошли до такого безумия, что о первых очень заботимся, а этими пренебрегаем. И хотя многие телесные раны часто бывают неисцельны, однако, мы не отчаиваемся, и слыша часто от врачей, что такую-то болезнь невозможно истребить лекарствами, мы настойчиво просим придумать хотя малое какое-либо облегчение; а о душах, в которых нет никакой неисцельной болезни – так как они не подлежат естественной

необходимости, – о них так нерадим и отчаиваемся, как будто болезни их – чужие для нас. Где самое свойство болезни должно бы повергать нас в безнадежность, там мы, как имеющие большие надежды, заботимся о здоровье; а где нет ничего, почему бы следовало отчаиваться, там, как отчаявшиеся, отступаем и предаемся беспечности. Настолько-то более мы заботимся о теле, нежели о душе! Поэтому и тела сохранить не можем. Ведь кто нерадит о главном, а всю заботу обращает на низшее, тот разрушает и губит то и другое; а кто соблюдает порядок, охраняя и сберегая главнейшее, тот, хотя бы не заботился о второстепенном, спасает и это чрез хранение первого, что и Христос объяснил нам словами: "не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более Того, Кто может и душу и тело погубить в геенне" (Матф.10:28). Итак, убедили ли мы тебя, что никогда не должно отчаиваться в душевных болезнях, как бы неисцельных, или нужно предложить еще и другие доказательства? Если бы ты и тысячу раз отчаивался в самом себе, мы не отчаемся в тебе никогда, и не допустим сами того, за что осуждаем других, хотя не одно и то же – отчаиваться кому-либо в самом себе, или другому в нем; потому что отчаивающийся в другом может скоро получить прощение, а отчаивающийся в самом себе – никогда. Почему? Потому, что тот не властен в настроении и раскаянии другого, а этот один властен над самим собою. И, однако, при всем том мы не будем отчаиваться в тебе, хотя бы ты сам тысячу раз подвергся этому; потому что, может быть, и произойдет возврат к добродетели и возобновлению прежней жизни. Выслушай же и следующее. Ниневитяне, услышав сильную и ясную угрозу пророка: "еще сорок дней и Ниневия будет разрушена" (Ион.3:4), и после этого не упали духом, и хотя не были уверены, что умолят Бога, а скорее могли опасаться противного по поводу пророчества (ибо оно произнесено было не с каким-нибудь ограничением, но как прямое определение), при всем этом оказали раскаяние и говорили: "кто знает, может быть, еще Бог умилосердится и отвратит от нас пылающий гнев Свой, и мы не погибнем". И увидел Бог дела их, что они обратились от злого пути своего, и пожалел Бог о бедствии, о котором сказал, что наведет на них, и не навел" (Ион.3:9,10). Если же люди варварские и непросвещенные могли быть столь благоразумными, то гораздо более должно поступать так нам, которые научены божественным догматам и видели великое множество таких примеров и в словах, и в делах. "Мои мысли – не ваши мысли, ни ваши пути – пути Мои, говорит Господь. Но как небо выше земли, так пути Мои выше путей ваших, и мысли Мои выше мыслей ваших" (Ис.55:8,9). Если часто и мы провинившихся слуг, когда они обещают исправиться, принимаем и опять удостоиваем прежней чести, а нередко оказываем им еще большее доверие, то гораздо более Бог. Ведь если бы Он создал нас для того, чтобы наказывать, то справедливо бы ты сомневался и отчаивался в своем спасении; но если Он сотворил нас по единой только благости, для того, чтобы мы наслаждались вечными благами, и к этому устрояет и направляет все от первого дня до настоящего времени; то, что побуждает нас предаваться сомнению? То ли, что мы сильно прогневали Его, как никто другой из людей? Но потому-то особенно и должно отстать от настоящих дел и раскаяться в прежних и показать большую перемену. Ибо не столько могут раздражать Его соделанные нами однажды грехи, сколько нежелание перемениться. Грешить еще свойственно человеку; но коснеть во грехах – это уже не человеческое, а вполне сатанинское дело. Смотри, как и чрез пророка Бог порицает последнее больше первого: "видел ли ты", говорит, "что делала отступница, дочь Израиля? Она ходила на всякую высокую гору и под всякое ветвистое дерево и там блудодействовала. И после того, как она все это делала, Я говорил: "возвратись ко Мне"; но она не возвратилась" (Иер.3:6,7). И в другом месте, опять желая показать, сколь великое Он

имеет попечение о нашем спасении, лишь только услышал, что (израильтяне) после многих беззаконий обещали идти правым путем, сказал: "о, если бы сердце их было у них таково, чтобы бояться Меня и соблюдать все заповеди Мои во все дни, дабы хорошо было им и сынам их вовек" (Втор.5:29). И Моисей, обращаясь к ним, сказал: "итак, Израиль, чего требует от тебя Господь, Бог твой? Того только, чтобы ты боялся Господа, Бога твоего, ходил всеми путями Его, и любил Его" (Втор.10:12) И так Тот, Кто ищет быть любимым нами и для этого делает все, Кто не пощадил даже Единородного для нашей любви и почитает возделенным, чтобы мы когда бы то ни было примирились с Ним, как не примет и не полюбит кающихся? Послушай, что говорит Он чрез пророка: "говори ты беззакония твои прежде, чтоб оправдаться" (Ис.43:26). Этого он требует от нас для того, чтобы любовь наша к Нему была сильною. Когда любящий, получив множество оскорблений от любимых, не погасит в себе любви, тогда он, если и старается обнаружить эти оскорбления, то не для чего иного, как для того, чтобы, показав всю силу своей любви, склонить их к большей и сильнейшей любви. Если же исповедание грехов доставляет такое утешение, то гораздо более очищение их делами. Если бы было не так, но однажды совратившимся с прямого пути Бог препятствовал бы возвратиться к прежнему; то никто, может быть, кроме немногих и весьма малочисленных, не вошел бы в царство небесное; а теперь встретим особенно прославленных и в среде тех, которые подвергались этим падениям. Ибо показавшие большую силу во зле покажут такую же и в добре, сознавая, какими долгами они обременили себя, что и Христос изъяснил, когда сказал Симону о жене: "видишь ли ты эту женщину? Я пришел в дом твой, и ты воды Мне на ноги не дал, а она слезами облила Мне ноги и волосами головы своей отерла; ты целования Мне не дал, а она, с тех пор как Я пришел, не перестает целовать у Меня ноги; ты головы Мне маслом не помазал, а она миром помазала Мне ноги. А потому сказываю тебе: прощаются грехи ее многие за то, что она возлюбила много, а кому мало прощается, тот мало любит. Ей же сказал: прощаются тебе грехи" (Лук.7:44-48).

16. Посему и диавол, зная, что сделавшие много зла, когда начнут каяться, делают это с великою ревностью, как сознающие свои согрешения, опасается и боится, чтобы они не начали этого дела, потому что, начав его, они бывают уже неудержимы, и воспламенившись покаянием, как бы огнем, соделывают свои души чище чистого золота, увлекаемые совестью и воспоминанием о прежних грехах, как бы сильным ветром, в пристань добродетели. И в этом-то их преимущество перед теми, которые никогда не падали, т. е. они проявляют сильнейшую ревность, если только, как я сказал, положат начало. Правда, трудно и тяжело сделать усилие, чтобы подойти ко входу и, достигнув преддверия покаяния, оттолкнуть и низринуть врага, который тут сильно дышит и налегает. А после того и он, будучи однажды побежден и павши там, где был силен, не оказывает такого неистовства, и мы уже, имея больше ревности, весьма удобно совершим этот добрый подвиг. Начнем же, наконец, возвращение, поспешим во град небесный, в котором мы вписаны, в котором и обитать надлежит нам. Отчаяние губительно не только потому, что затворяет нам врата этого града и приводит к великой беспечности и небрежению, но и потому, что ввергает в сатанинское безумие; ибо и диавол сделался таким не от чего-либо другого, как от того, что сперва отчаялся, а потом от отчаяния впал в безумие. Так и душа, однажды отчаявшись в своем спасении, уже не чувствует потом, как она стремится в пропасть, решаясь и говорить и делать все против своего спасения. Как сумасшедшие, раз лишившись здравого состояния, ничего не боятся и ничего не стыдятся,

но безбоязненно отваживаются на все, хотя бы пришлось им попасть в огонь, или в море, или в пропасть; так и объятые безумием отчаяния неудержимо устремляются на всякое зло и, если смерть не постигнет их и не удержит от этого безумия и стремления, причиняют себе множество бед. Посему умоляю, пока ты не слишком погрузился в это опьянение, отрезвись и пробудись, – отстань от сатанинского упоения, если невозможно вдруг, то постепенно и понемногу. Мне кажется, что легче было бы, сразу оторвавшись от всех задерживающих путь, перейти в училище покаяния. Если же это представляется тебе трудным, то как хочешь, так и вступи на путь, ведущий к лучшему, только вступи и получишь жизнь вечную. Так, прошу и умоляю во имя прежней доблести, прежней свободы, чтобы нам опять увидеть тебя на той же высоте и с тою же бодростью. Пожалей о тех, которые соблазняются о твоей голове, падают, делаются беспечнее, отчаиваются в пути добродетели. Теперь скорбью объят сонм братьев, а веселием и радостью – общества неверных и беспечных юношей. А когда ты возвратишься к прежней строгой жизни, то будет наоборот: наш стыд весь перейдет на них, а мы будем чувствовать великую отраду, опять видя тебя увенчиваемым и прославляемым с великим блеском. Такие победы доставляют больше чести и радости, потому что ты получишь награду не только за собственные доблести, но и за утешение и одобрение других, представляя им собою, – если кто из них впадет когда-либо в такое же бедствие, – величайший пример того, как опять восстать и исправиться. Не пренебрегай же такую пользою и не своди в ад с печалию души наши, но дай нам вздохнуть и рассеять окружающее нас облако печали о тебе. Мы теперь, оставив свои горести, оплакиваем твои несчастья; если же ты захочешь отрезвиться и открыть глаза, и присоединиться к ангельскому воинству, то и от этой печали избавишь нас и изгладишь большую часть грехов наших. А что обратившимся чрез покаяние можно просиять много и светло, а часто даже и более тех, которые не падали с самого начала, это мы показали и из божественных Писаний. Так и мытари и блудницы наследуют царство небесное; так многие из последних становятся впереди первых.

17. Расскажу тебе о том, что случилось при нас и чему сам ты можешь быть свидетелем. Ты знаешь молодого сына Урбанова, Финикса, который остался сиротою в юности и был владельцем множества денег, рабов и полей. Прежде всего оставив занятия (науками) в музеях и сбросив с себя светлую одежду и всю гордость житейскую, а затем тотчас надев худую одежду и удалившись в пустыню на горы, он обнаружил большое любомудрие, не только по возрасту, но и в сравнении с великими и дивными мужами. После того, удостоившись священного участия в таинствах, он еще более преуспевал в добродетели. И все радовались и славили Бога, что человек воспитанный в богатстве, имевший знаменитых предков, и еще весьма молодой, вдруг поправ всю пышность житейскую, достиг истинной высоты. Когда он был в таком состоянии и возбуждал удивление, некоторые развратители, по праву родства имевшие над ним надзор, опять увлекли его в прежний круговорот. Бросив все, он скоро, сойдя с гор, опять появился на торжище, и восседая на коне, с множеством спутников, ездил по всему городу и уже не хотел любомудрствовать. Пламенея великим сладострастием, он по необходимости предавался нечистой любви, и не было между близкими к нему никого, кто бы не отчаивался в его спасении; его окружала толпа льстецов, к тому же присоединилось сиротство, молодость и огромное богатство. Люди, склонные легкомысленно порицать все, стали обвинять тех, которые сначала обратили его на тот (духовный) путь, утверждая, что он и в духовных делах не удался, и к своим делам будет негоден, так как прежде времени оставив

занятия науками, не мог извлечь из них никакой пользы. Когда это говорилось и происходил великий позор, некоторые святые мужи, часто уловлявшие такую добычу и по опыту хорошо знавшие, что вооруженным надеждами на Бога не следует отчаиваться в таких делах, постоянно следили за ним и, завидев его появлявшимся на торжище, подходили к нему и приветствовали. Сперва он прямо с лошади разговаривал с ними, при чем они следовали за ним по бокам; такое бесстыдство сначала было в нем! Но они, сердобольные и чадолюбивые, нисколько не стыдились этого, а смотрели только на то, как бы отнять у волков овцу, чего и достигли терпением. Ибо впоследствии он, как бы от какого умоисступления придя в себя и устыдившись великой заботливости их, лишь только издали усматривал, что они идут к нему, тотчас соскакивал с лошади, и опустив взор, с молчанием выслушивал от них все, и с течением времени все более и более стал оказывать им уважение и почтение. Таким образом они, по милости Божией, мало-помалу, освободив его от всех этих сетей, возвратили прежней пустыне и любомудрию. И теперь он настолько просиял, что прежняя жизнь его представляется ничем, по сравнению с жизнью после падения. Хорошо на опыте узнав искушение, он все богатство роздал бедным, и освободившись от забот о нем, отнял у желающих строить козни всякий к тому предлог, и теперь, шествуя по пути к небу, достиг уже до вершины добродетели. Но этот еще в юности и пал и восстал; а некто другой, после многих трудов, понесенных им в пустынножительстве, имея одного только сожителя, ведя ангельскую жизнь и достигнув уже старости, не знаю, каким образом, по какому-то сатанинскому ухищрению и собственной беспечности своей, дав лукавому доступ к себе, впал в похоть общения с женщинами, — человек, никогда не видавший женщины с тех пор, как вступил в монашескую жизнь! Сперва он попросил сожителя дать ему мяса и вина, и угрожал, если не получит этого, уйти на торжище. А говорил он это не столько потому, что хотел мяса, сколько для того, чтобы иметь повод и предлог отправиться в город. Тот, недоумевая и боясь чтобы, отказав ему в этом, не причинить ему большего зла, удовлетворяет его желанию. Когда же он увидел, что хитрость его не удалась, то уже с явным бесстыдством сбросил притворство и сказал, что ему непременно надобно сходить в город. Тот, не будучи в состоянии остановить его, наконец отпустил, и следуя за ним издали, наблюдал, к чему клонилось это его путешествие. Когда же увидел, что он вошел в непотребный дом, и узнал, что он сообщился с блудницею, то положав, пока он удовлетворил нечистую похоть свою и вышел оттуда, принял его с распростертыми руками, обнял и горячо поцеловал, и нисколько не упрекнув за сделанное им, просил только, чтобы он, так как удовлетворил уже свою похоть, опять возвратился к пустынножительству. Этот, устыдившись великой кротости его, мгновенно был поражен в душе, и почувствовав сокрушение о грехе, последовал за ним на гору; и пришедши туда, попросил того мужа, чтобы он, заключив его в другой келье и заперши двери ее, доставлял ему хлеб и воду в известные дни, а спрашивающим об нем говорил, что он умер. Сказав это и убедив сожителя, он заключил себя и жил там постоянно, постом, молитвами и слезами омывая душу от греховной нечистоты. Спустя немного времени, когда ближайшую страну постигла засуха и все жители ее были в печали, некто получил во сне повеление попросить того затворника помолиться о прекращении засухи. Взяв с собою друзей, он отправился туда; но там сперва они нашли одного только сожителя затворника; когда же спросили о последнем, получили в ответ, что он умер. Подумав, что они обмануты, они опять обратились к молитвам, и опять чрез такое же видение услышали тоже, что и прежде. Тогда, обступив того, кто действительно притворствовал, просили показать им этого мужа, утверждая, что он не умер.

но жив. Тот, услышав это и видя, что состоявшееся между ними соглашение открыто, приводит их к этому святому, и они, разобрав стену (потому что и вход был заложен) и вошедши все, поверглись к ногам его, рассказали о случившемся и умоляли его избавить их от голода. Сперва он отказывал им, утверждая, что он далек от такого дерзновения, так как непрестанно имел перед глазами свой грех, как бы сейчас только совершенный. Когда же они рассказали обо всем случившемся, то убедили его помолиться, и помолившись, он прекратил засуху. А о том юноше, который был сперва учеником Иоанна Зеведеева, потом долгое время – начальником разбойников, и опять уловлен святыми руками блаженного, и из убежищ и пещер разбойничьих возвратился к прежней добродетели, тебе самому не безызвестно и ты точно знаешь все не хуже нашего, потому что я часто слышал, как ты удивлялся великому снисхождению (Иоанна), который сначала поцеловал окровавленную правую руку юноши, обнял его, и таким способом привел его в прежнее состояние.

18. Так же (поступил) блаж. Павел в отношении Онисима, этого негодяя, беглеца и вора, – такого-то человека он не только сам принимает в объятия, когда тот переменялся, но и господина его просит оказать покаявшемуся одинаковую с учителем честь, так говоря: "прошу тебя о сыне моем Онисиме, которого родил я в узах моих: он был некогда негоден для тебя, а теперь годен тебе и мне; я возвращаю его; ты же прими его, как мое сердце. Я хотел при себе удержать его, дабы он вместо тебя послужил мне в узах [за] благовествование; но без твоего согласия ничего не хотел сделать, чтобы доброе дело твое было не вынужденно, а добровольно. Ибо, может быть, он для того на время отлучился, чтобы тебе принять его навсегда, не как уже раба, но выше раба, брата возлюбленного, особенно мне, а тем больше тебе, и по плоти и в Господе. Итак, если ты имеешь общение со мною, то прими его, как меня" (Флм.1:10-17). И в послании к Коринфянам он же говорит: "когда приду, не унижил меня у вас Бог мой и чтобы не оплакивать мне многих, которые согрешили прежде и не покаются" (2Кор.12:21); и еще: "предварял и предваряю, как бы находясь у вас во второй раз, и теперь, отсутствуя, пишу прежде согрешившим и всем прочим, что, когда опять приду, не пощажу" (2Кор.13:2). Видишь ли, кого он оплакивает и кого не щадит? Не тех, которые согрешили, но – которые покаются, и не просто не покаются, но после одного и двух увещаний к раскаянию, не захотели послушаться. Выражения: "предварял и предваряю, как бы находясь у вас во второй раз, и теперь, отсутствуя, пишу", означают не что иное, как это, чего должно опасаться, чтобы и с нами не случилось теперь. Ибо хотя нет при нас Павла, который угрожал коринфянам, но предстоит Христос, который чрез него говорил тогда, и если мы не перестанем упорствовать, Он не пощадит нас, но сильным ударом поразит и здесь и там. Посему "предстанем пред лицом Его во исповедании, во псалмах воскликнем Ему" (Пс.94:2). "Если ты согрешил", говорит (Писание), "не прилагай более грехов и о прежних молись" (Сир.22:1). И еще: "обвинитель в первой речи на суде прав по отношению к себе" (Притч. 18:17). Не будем же ждать обличителя, но ранее займем его место, и таким образом, своею откровенностью сделаем Судию более милостивым. Я хорошо знаю, что ты исповедуешь свои грехи и чрезмерно сокрушаешься; но я хочу не этого только, а желаю убедиться, желаешь ли ты оправдать себя и делом. Пока это исповедание ты не сделаешь плодотворным, до тех пор, хотя и будешь осуждать себя, не можешь отстать от последующих грехов. Никто ничего не может делать с усердием и надлежащим образом, если наперед не будет убежден, что это дело принесет пользу. Так сеятель после посева семян, если не будет ожидать жатвы, никогда не

будет и жать. Разве кто стал бы трудиться напрасно, не надеясь получить ничего доброго от своего труда? так и сеющий слова, слезы и исповедание, если делает это без доброй надежды, не может отстать от грехов, как одержимый еще пороком отчаяния; но как земледелец, отчаявшийся в произрастении плодов, уже не станет отвращать того, что наносит вред семенам, так и сеющий слезное исповедание, но не ожидающий от него никакой пользы, не будет в состоянии отклонить того, что вредит покаянию. А вредит покаянию коснение в одних и тех же грехах. "Когда один строит", говорит (Писание), "а другой разрушает: то что они получают для себя кроме утомления? Когда кто омывается от осквернения мертвым и опять прикасается к нему, какая польза от его омовения? Так человек, который постится за грехи свои и опять идет и делает то же самое: кто услышит молитву его?" (Сир.34:23,25,26). И еще: "если кто обращается от праведности ко греху, Господь уготовит того на меч" (Сир.26:26). И "как пес возвращается на блевотину свою, так глупый повторяет глупость свою" (Прит.26:11).

19. И так, объявляй грех свой не только как осуждающий самого себя, но и как должествующий оправдаться посредством покаяния: тогда ты и будешь в состоянии побудить исповедующуюся душу не впадать более в те же грехи. Ибо сильно осуждать себя и называть грешником есть дело общее, так сказать, и неверным. Многие и из действующих на сцене, как мужчины, так и женщины, наиболее отличающиеся бесстыдством, называют себя окаянными, хотя не с надлежащею целию. Посему я и не назову это исповеданием, потому что они объявляют грехи свои не с душевным сокрушением, не с горьким плачем и не с переменю жизни; но одни из них делают это с тем, чтобы откровенностью своих слов получить славу у слушающих, так как грехи неодинаково кажутся тяжкими, когда другой кто открывает их, и когда – сам согрешивший. Иные, вследствие сильного отчаяния впадши в ожесточение и презирая славу человеческую, с крайним бесстыдством объявляют всем собственные пороки, как бы чужие. Но я желаю, чтобы ты не принадлежал к числу их, чтобы приступал к исповеданию не с отчаяния, но с благою надеждою и, с корнем вырвав отчаяние, оказал противоположную ему ревность. Что же служит корнем и матерью отчаяния? Беспечность; вернее можно назвать ее не только корнем, но и питательницею и матерью. Ибо, как в шерсти порча рождает червей, и обратно сама умножается от них, так и здесь беспечность рождает отчаяние, и сама обратно питается отчаянием, и таким образом, оказывая друг другу это проклятое содействие, они не мало возрастают в силе. Посему кто истребит и искоренит одно из этих зол, тот будет в состоянии победить легко и остальное; кто не предаётся беспечности, тот не впадает и в отчаяние; кто питается благими надеждами и не отчаивается в себе, тот не может впасть и в беспечность. Расторгни же эту чету и сокруши ярмо, то есть, различные и тяжкие помыслы; ибо соединяют их не одинаковые (помыслы), но разные и всякого вида. Какие же? Случается, что иной, покаившись, совершит многие и великие добрые дела, и между тем опять впадет в грех, равносильный этим добрым делам; и этого бывает вполне достаточно, чтобы ввергнуть его в отчаяние, как будто созданное разрушено и все труды его были напрасны. Но надобно вникнуть в это и отогнать тот помысл, будто если мы не успеем наперед запасти добрых дел в мере, равной совершенным после них грехам, то ничто не удержит нас от сильного и полного падения. Напротив, добрые дела суть как бы крепкие латы, которые не попускают острой и губительной стреле сделать свое дело, но, быв сами рассечены ею, защищают тело от великой опасности. Посему отходящий туда со множеством и добрых и злых дел получит некоторое облегчение и в наказании и тамошних муках; а кто, не имея

добрых дел, принесет только злые, тот, и сказать нельзя, сколько пострадает, подвергшись вечному наказанию. Там будут сопоставлены злые дела с добрыми, и если последние перетянут на весах, то совершившему их не мало послужат ко спасению, и вред от совершения злых дел не будет иметь такой силы, чтобы сдвинуть его с прежнего места; но если первые перевесят, то увлекут его в геенский огонь; потому что добрые дела не так многочисленны, чтобы могли устоять против сильного перевеса злых. И это внушает нам не только наше рассуждение, но и Слово Божие. Ибо сам (Господь) говорит: "воздаст каждому по делам его" (Матф.16:27). И не только в геенне, но и в самом царстве находится множество различий: "в дому Отца Моего", говорит, "обителей много" (Иоан.14:2); и: "иная слава солнца, иная слава луны" (1Кор.15:41). И удивительно ли, что (апостол), сделав различие между этими (светилами), говорит, что и там будет такое же различие, как между одною звездою и другою? Зная все это, не перестанем совершать добрые дела, не откажемся от трудов, и если не будем в состоянии стать на ряду с солнцем или луною, то не будем пренебрегать местом со звездами. Если мы по крайней мере такую покажем добродетель, то и тогда можем быть на небе. Если не будем ни золотом, ни драгоценным камнем, то, по крайней мере, удержим качество серебра, и останемся на своем основании; только бы нам опять не дойти до качества того вещества, которое легко сожигает огонь, и чтобы, не будучи в состоянии совершить великих дел, нам не оказаться и без малых: это – крайнее безумие, чего да не будет с нами. Как вещественное богатство умножается тем, что любители его не пренебрегают и малейшими прибылями, так тоже и с духовным. Нелепо было бы в виду того, что Судия не оставляет без награды и чаши холодной воды, нам потому только, что не имеем весьма великих дел, не заботиться и о совершении малых. Напротив, кто не пренебрегает меньшими делами, тот покажет великую ревность и о величайших, а кто пренебрегает первыми, тот оставит и последние: дабы не было этого, Христос и за первые назначил великие награды. Что может быть легче, как посещать болящих? Однако, и за это Он воздаст великую награду. Итак, стремись к вечной жизни, радуйся о Господе и молись Ему; возьми опять благое иго, подклони под легкое бремя, приложи к началу достойный его конец; непусти погибнуть такому богатству. Если ты станешь и впредь раздражать Бога своими делами, то погубишь себя; но если прежде, нежели совершится эта большая потеря и все поле будет покрыто водою, ты заградишь каналы нечестия, то будешь в состоянии и опять приобрести потерянное и прибавить к тому другое немалое приращение. Обо всем этом размыслив, стяхни с себя пыль, встань с земли, и ты будешь страшен противнику. Он поверг тебя, думая, что ты уже не встанешь; а когда увидит тебя с поднятыми на него руками, то, пораженный неожиданностию, потеряет охоту опять бороться с тобою, а ты сам будешь впредь безопаснее от получения подобной раны. Поистине, если чужие несчастья способны вразумлять нас, то гораздо более те, которые мы потерпели сами. Это я надеюсь скоро увидеть и на твоей главе, – надеюсь, что ты, при помощи Божией, будешь и еще светлее, и такую покажешь добродетель, что станешь там впереди других. Только не отчаивайся, не падай духом; это я не перестану повторять тебе при всякой беседе, где бы тебя ни увидел, и чрез других; и если ты послушаешься этого, то не будешь нуждаться в других врачеваниях.

УВЕЩАНИЕ 2-е.

Если бы можно было изложить письменно слезы и стенания, то я наполнил бы ими письмо и послал бы к тебе. Плачу я не о том, что ты заботишься об отцовских делах, но о том, что ты изгладил себя из списка братьев, что попрал завет со Христом. От этого я содрогаюсь, об этом сокрушаюсь, этого боюсь и трепещу, зная, что нарушение завета навлекает великое осуждение на записавшихся в доброе воинство и по собственной беспечности оставивших строй. Отсюда очевидно, что таким угрожает тяжкое наказание. Простолюдина никто никогда не станет обвинять за непринадлежность к войску, а кто раз стал воином, тот, если уличен будет в бегстве из строя, подвергается крайней опасности. Зло не в том, любезный Феодор, чтобы сражаясь пасть, а в том, чтобы упавши, так и оставаться; не то бедственно, чтобы воюя быть раненным, но то, чтобы после поражения отчаиваться и не заботиться о ране. Никакой купец, подвергшись однажды кораблекрушению и потеряв груз, не оставляет мореплавания, но опять переплывает море, и волны, и обширные бездны, и вновь приобретает прежнее богатство. И борцов мы видим увенчиваемыми после многократных падений; также и воин, много раз обращавшийся в бегство, наконец является героем и побеждает врагов. Даже многие из отрекшихся от Христа по причине жестокости мучений опять вступали в борьбу и отходили украшенными венцом мученичества. Но если бы каждый из них после первого удара предался отчаянию, то не получил бы последующих благ. Так теперь и ты, любезный Феодор, потому, что враг немного поколебал тебя в твоём положении, не толкай сам себя в пропасть, но стой добро и поспеши возвратиться туда, откуда отошел, и не считай позором этого кратковременного поражения. Ты не стал бы порицать воина, увидев его с раной возвращающимся с войны; ибо позорно бросать оружие и уклоняться от неприятелей; но доколе кто остается в сражении, то, хотя бы он был поражаем и несколько отступал, никто не будет столь неблагоприятен и неопытен в воинском деле, чтобы обвинять его за это. Не быть ранеными свойственно не сражающимся; но тем, которые с сильным рвением устремляются на врагов, свойственно быть иногда поражаемыми и падать, как это случилось теперь и с тобою; ты, устремившись умертвить змия, тотчас был сам уязвлен им. Но ободрись; небольшая нужна тебе бдительность, - и не останется следа этой раны; даже, по благодати Божией, ты сокрушишь голову и самого лукавого; пусть не смущает тебя и то, что ты преткнулся так скоро и в самом начале. Увидел, скоро увидел лукавый доблесть души твоей, и из многого догадался, что вырастет из тебя мужественный противник ему: обнаруживший в самом начале столь великую и сильную ревность против него, такой человек, если устоит, то легко - полагал он - одержит над ним победу. Поэтому он поспешил, пробудился, восстал с силою на тебя, или лучше, на свою голову, если ты захочешь стоять мужественно. Ибо кто не удивлялся твоей быстрой искренней и пылкой к добру перемене? Роскошные яства были презрены, драгоценные одежды отринуты, всякая пышность попрана, вся ревность о внешней мудрости быстро обращена на Слово Божие; целые дни проводимы были в чтении, целые ночи - в молитвах; не вспоминалось отцовское достоинство, не приходило на ум богатство; но касаться колен и припадать к ногам братьев - это ты считал выше всякого благородства. Вот что опечалило лукавого, вот что возбудило его к сильной борьбе; впрочем, он нанес не смертельную рану. Если бы он низверг тебя после долговременных непрерывных постов, земных поклонов и других подвигов, то и тогда не надлежало бы отчаиваться, хотя иной и назвал бы великим бедствием поражение, совершившееся после многих усилий и трудов и

побед; но так как он поборол тебя, когда ты только лишь приготовился к борьбе с ним, то и успел в том только, что сделал тебя более ревностным к борьбе с ним. На тебя лишь только начавшего плавание, а не возвращавшегося с торговли и везшего полный груз, напал свирепый пират. И подобно тому, как устремившийся убить благородного льва, только оцарапав ему кожу, нисколько не вредит ему, а более раздражает его против себя, и делает впредь более осторожным и трудно уловимым, так и общий всех враг, устремившись нанести глубокую рану, не достиг этого, а сделал (тебя) впредь более бдительным и осторожным.

2. Природа человека переменчива: легко обольщается, и легко освобождается от обольщения, скоро падает, и еще скорее восстает. Так и тот блаженный муж, - разумею Давида, избранного царя и пророка, - уже сделав много доброго, не укрыл того, что он человек, но воспылал некогда похотию к чужой жене, и на этом не остановился, но от похоти совершил прелюбодеяние, а от прелюбодеяния совершил убийство; однако, и получив две такие раны, он не причинил себе еще и третью, но тотчас притек ко Врачу, и употребил врачевства - пост, слезы, плач, непрестанные молитвы, многократное исповедание греха; и чрез это так умилостивил Бога, что возвратил себе прежнее достоинство, так что после прелюбодеяния и убийства память отца могла прикрывать идолопоклонство сына. Ибо его сын, - Соломон имя ему, - был уловлен тою же сетью, как и отец, и в угождение женам отступил от Бога отцов. Видишь, какое зло - не воздерживаться от сладострастия, но извращать естественное преимущество и, будучи мужем, делаться рабом женщин. Этому самому Соломону прежде праведному и мудрому, когда он был в опасности потерять за грех все царство, Бог, за добродетели отца, оставил во владение шестую часть государства. Так, если бы ты усердно занимался внешним красноречием и потом стал нерадеть о нем, то я убедил бы тебя возвратиться к этим занятиям, напомнив тебе о судилищах и ораторском седалище, о раздаваемых там венцах и свободе речи, но так как мы стремимся к небесному, а о земном у нас и речи нет, то я напомню тебе о другом судилище и седалище страшном и ужасном. "Всем нам должно явиться пред судилище Христово" (2Кор.5:10). Судиею же сядет тогда Тот, Кто теперь пренебрегается тобою. Что же скажем мы тогда, скажи мне? Чем будем оправдываться, если станем продолжать пренебрегать Им? Что же мы скажем? Укажем ли на заботы о делах? Но Он наперед сказал: "какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?" (Матф.16:26). На то ли, что мы обольщены другими? Но и Адаму не послужило в оправдание то, что он сослался на жену и сказал: "жена, которую Ты мне дал, она дала мне от дерева, и" меня обольстила (Быт.3:12); равно как и жене - змий. Страшно, любезный Феодор, это судилище, не нуждающееся в обличителях, не ожидающее свидетелей; ибо "все обнажено и открыто" пред этим Судиею (Евр.4:13); и придется дать отчет не только в делах, но и в помышлениях, ибо этот Судия "судит помышления и намерения сердечные" (Евр.4:12). Но, может быть ты укажешь на немощь природы и невозможность понести иго. Но что это за оправдание - не иметь силы взять на себя иго благое, не быть в состоянии понести бремя легкое? Разве тяжкое и трудное дело отдыхать от трудов? А к этому всему и призывает нас Господь, когда говорит: "придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас; возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим; ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко" (Матф.11:28-30). Что легче, скажи мне, как быть свободным от ежедневных забот и дел, страхов и трудов, стоять вдали от волн житейских и пребывать в тихой пристани?

3. Что в мире представляется тебе всего блаженнее и вожделеннее? Конечно, скажешь ты, власть, богатство, слава у людей. Но что жалче этого, если сравнить с свободой христиан? Властитель находится в зависимости от ярости народной и бессмысленных прихотей толпы, также страха со стороны сильнейших властителей, и забот о подчиненных. Притом, вчера он властитель, а сегодня простолюдин, так как настоящая жизнь нисколько не отличается от сцены. Как здесь один исполняет роль царя, другой - полководца, иной - воина, а по наступлении вечера - и царь не царь, и властитель не властитель, и полководец не полководец, так и в тот день, не по лицу, а по делам каждый получит достойное воздаяние. Но разве драгоценна слава, которая пропадает, как цвет травный? Также и богатство, которого владельцы называются жалкими. Ибо "горе", говорит (Господь), "вам, богатые" (Лук.6:24); и еще: горе "надеющимся на силы свои и хвляющимся множеством богатства своего" (Пс.48:7). Христианин никогда не делается - ни из начальника простолюдином, ни из богатого бедным, ни из славного бесславным: напротив он богат, когда беден, и высок, когда старается быть смиренным; и власти, которую имеет он - не над людьми, но над князьями подвластными "мироправителю тьмы" (Еф.6:12), никто отнять у него не может. Законное дело - брак, согласен на это и я; ибо сказано: "брак у всех да будет честен и ложе непорочно; блудников же и прелюбодеев судит Бог" (Евр.13:4). Но тебе уже невозможно соблюсти законность брака: потому что кто, сочетавшись с небесным Женихом, оставляет Его и сочетается с женою, тот совершает прелюбодеяние, хотя бы тысячу раз ты называл это браком; а вернее сказать, это хуже и прелюбодеяния настолько, насколько Бог превосходнее людей. Никто пусть не обольщает тебя словами: жениться не запретил Бог. Знаю это и я: жениться не запретил, но запретил прелюбодействовать, что намеревался ты сделать, чего да не будет, чтобы, т. е. ты вступил когда-нибудь в брак. Что ты удивляешься, если брак осуждается, как прелюбодеяние, когда чрез него отвергается Бог? Убийство бывает оправдываемо и человеколюбие осуждаемо хуже убийства, когда первое совершалось по воле Божией, а второе вопреки ее. Именно, Финеесу вменилось в правду то, что он пронзил жену блудницу вместе с блудником; а Саула святой Божий Самуил несмотря на то, что целые ночи плакал, сетовал и молился, не мог избавить от осуждения, которое Бог произнес на него за то, что он против воли Божией пощадил иноплеменного царя, которого надлежало умертвить. Если же человеколюбие осуждено более убийства за преслушание Бога, то что удивительного, если брак осуждается более прелюбодеяния за отвержение Христа? Посему, как я сказал выше, если бы ты был простолюдином, никто не обвинял бы тебя за непринадлежность к войску, а теперь ты уже не господин сам себе, сделавшись воином такого Царя. Если жена невластна в своем теле, но - муж, тем более живущие во Христе не могут быть властны в теле своем. Тот, Кто пренебрежен ныне, Сам будет и судить тогда; о Нем помышляй постоянно, равно и о реке огненной. "Огненная река", говорит (пророк), "выходила и проходила пред Ним" (Дан.7:10); а кто Им предан огню, тому не дожидаться конца казни. Непристойные удовольствия этой жизни нисколько не отличаются от теней и сновидений; ибо прежде, чем окончится греховное дело, удовольствие исчезает, а наказания за него не имеют конца. Сладость кратковременна, а горечь вечна. Что, скажи мне, постоянно в здешнем мире? Богатство ли, которое часто не остается и до вечера? Слава ли? Но послушай, что говорит один праведник: "дни мои быстрее гонца" (Иов.9:25). Как скороходы, не успев стать, уже уходят далее, так и слава не успеет придти, как уже улетает. Нет ничего драгоценнее души: это не безызвестно и тем, которые дошли до крайнего безумия. "Душе ничто не равноценно", сказал поэтически некто из

внешних. Знаю, что ты стал гораздо слабее для борьбы с лукавым: знаю, что ты стоишь среди пламени удовольствий; но если скажешь врагу: удовольствиям твоим не служим и корню всех зол твоих не кланяемся, если возведешь очи горе, то Спаситель и ныне поборет пламень и ввергнувших тебя в огонь сожжет, а тебе среди печи пошлет облако и росу и "шумящий влажный ветер" (Дан.3:50), так что огонь не коснется ни помыслов твоих, ни совести; только ты сам не сожигай себя. Так, часто случалось, что укрепленных городов не могли разрушить оружия и машины внешних неприятелей, а измена одного или двоих из живущих в них граждан без труда предавала их врагам. И теперь, если никакой из внутренних помыслов не предаст тебя, то хотя бы лукавый придвинул извне тысячу машин, придвинет напрасно.

4. У тебя по благодати Божией, имеется много великих мужей, которые соболезнуют тебе, возбуждают тебя, трепещут за твою душу: это - святой Божий Валерий, по всему брат его Флорентий, мудрый Христовой мудростию Порфирий и многие другие. Они ежедневно сетуют и непрестанно молятся, и давно получили бы то, о чем молятся, если бы ты захотел хотя немного освободиться из рук врага. Как же не странно, что другие доселе не отчаялись в твоём спасении, но непрестанно молятся о возвращении своего члена; а ты, однажды упав, не хочешь встать, но лежишь, только что не взывая ко врагу: рази, бей, не щади? "Разве, упав, не встают?" говорит пророчество Божие (Иер.8:4). А ты противишься этому и прекословишь; ибо падшему отчаяться значит не иное что говорит, как "упавший не встанет". Нет, прошу тебя, не делай себе столько зла, не повергай нас в такую скорбь. Не говорю о твоём настоящем, когда тебе нет еще и двадцати лет; но если бы ты много сделал, даже всю жизнь прожил во Христе и в крайней старости потерпел такое несчастье, то и тогда было бы не хорошо отчаиваться, но надлежало бы иметь в уме разбойника, оправданного на кресте, а также начавших трудиться в одиннадцатом часу и получивших плату за целый день. Но как не хорошо падшим в конце жизни отчаиваться, если они будут благоразумны, так не безопасно и питать себя надеждою и говорить: "теперь пока буду наслаждаться удовольствиями жизни, а после, потрудившись недолго, получу награду за все время". Я помню, что ты сам, когда многие советовали тебе ходить в музеи, часто говаривал: "а что, если я в скором времени худо окончу жизнь? - как приду к сказавшему: "не медли обратиться к Господу и не откладывай со дня на день" (Сир.5:8)?" Вспомни эту мысль, и побойся вора: так Христос называет наш исход отсюда, потому что он постигает без нашего ведома. Представь себе житейские заботы - частные и общественные, страхи пред начальниками, зависть граждан, многократно угрожающую крайнюю опасность, труды, бедствия, раболепные ласкательства, неприличные даже честным невольникам, плод трудов, погибающий еще здесь, - что может быть бедственнее этого? А многим не удалось и вкусить плода трудов своих; но, проведши первый возраст в трудах и опасностях, они в то время, когда уже надеялись получить награду, отошли, ничего не имея при себе. Если даже и на земного царя едва ли кто, и по перенесении многих опасностей и по окончании многих войн, будет взирать с дерзновением, то как может небесного Царя увидеть тот, кто все время жил и воинствовал для другого?

5. Хочешь ли я изображу и домашние заботы: о жене, о детях, о слугах? Худо взять бедную жену, худо и богатую: первое вредит имуществу, а последнее - власти и свободе мужа. Прискорбно иметь детей, а еще прискорбнее - не иметь: если последнее, то напрасно было жениться; а если первое, то подвергнешься горькой неволе. Заболело дитя - страх не малый; умерло преждевременно - плач неутешный; и во всяком возрасте о них различные заботы, и

страхи и многие труды. Нужно ли говорить о неисправности слуг? Что же это за жизнь, Феодор, настолько делиться одной душой, столь многим служить, для столь многих жить, а для себя - никогда? У нас же нет ничего такого, любезный, и в этом призываю в свидетели тебя самого. Уже в то краткое время, в которое ты захотел выплыть из волн (житейского моря), знаешь, какую ты наслаждался радостью и веселием. Никто не свободен, кроме того, кто живет для Христа: он стоит выше всех бедствий, и если он сам не захочет сделать себе зла, то другой никогда не будет в состоянии сделать ему это. Он неприступен, не терзается от потери имени; потому что знает, что "мы ничего не принесли в мир; явно, что ничего не можем и вынести" (1Тим.6:7); не увлечется честолюбием или славолубием, так как знает, что "наше же жительство - на небесах" (Фил.3:20); порицающий его не причиняет ему скорби, и бьющий не приводит в раздражение. Одно у христианина несчастье - оскорбить Бога, а прочее, как-то: потерю имущества, лишение отечества, самую крайнюю опасность, он и не считает за бедствие: даже то самое, чего все страшатся, - переход отсюда туда, - для него приятнее жизни. Как если бы кто, взойдя на высокую скалу, смотрел на море и на плывущих по нему, из которых одни обливаются волнам, другие ударяются о подводные камни, иные, стремясь в одну сторону, напором ветра, как узники, увлекаются в другую, многие уже погрузились в воду и, вместо корабля и руля, владеют только своими руками, многие несутся на одной доске или на каком-нибудь обломке корабля, а иные плывут уже мертвые, представляя многообразное многогранное бедствие; так и воинствующий для Христа, удалившись от бури и волн житейских, восседает на безопасном и высоком месте. Что может быть безопаснее и выше, как иметь одну лишь заботу - о том, "как угождать Богу" (1Фесс.4:1)? Видишь ли, Феодор, кораблекрушения плавающих по этому морю? Посему, умоляю, убегай от бездны, убегай от волн, и займи высокое место, откуда невозможно быть увлечен; будет воскресение, будет суд, страшное судилище ожидает нас по отшествии отсюда: "всем нам должно явиться пред судилище Христово" (2Кор.5:10). Не напрасно угрожают геенною, не тщетно уготовано столько благ. Тень и даже ничтожнее тени - житейские дела, сопряженные со многими страхами, со многими опасностями, с крайним рабством. Не губи же и того и этого века, когда возможно, если захочешь, с пользой проводить тот и другой. А что живущие во Христе получают пользу и от этого века, это утверждает Павел, когда говорит: "мне вас жаль" и еще, "говорю это для вашей же пользы" (1Кор.7:28, 35). Видишь ли, что "заботящийся о Господнем" и здесь выше женившегося? Для отошедшего туда невозможно покаяться; никакой ратоборец по выходе из ристалища и по закрытии зрелища не может продолжать борьбу.

Об этом непрестанно помышляй, и сокруши острый меч лукавого, которым он умерщвляет многих. А этот меч есть отчаяние, которое у пораженных отсекает надежду. Крепко это оружие врага, и плененных он удерживает не иначе, как связав этими узами, которые мы, если захотим, скоро можем разорвать благодатию Божиею. Знаю, что я преступил меру письма; но прости: я сделал это не произвольно, а вынужденный любовью и скорбью, по которой я и принудил себя написать это письмо, тогда как многие удерживали. "Перестань трудиться напрасно и сеять на камне", говорили мне многие. Но я никого не послушал. Есть надежда, говорил я сам себе, что письмо, если Богу угодно, произведет какое-либо действие: если же случится противное нашему желанию, мы, по крайней мере, получим себе ту пользу, что нельзя будет винить нас в молчании, и что мы не будем хуже мореплавателей, которые, когда увидят, что люди одного с ними занятия, по разбитии корабля ветрами и волнами,

несутся на доске, спустив паруса, бросив якори и войдя в малую ладью, стараются спасти людей им незнакомых и только по этому несчастию делающихся знакомыми. Но если бы эти последние не захотели (спастись), то никто не стал бы винить в их гибели тех, которые старались спасти их. Это с нашей стороны; но мы веруем, что должное и от тебя последует по благодати Божией, и мы опять увидим тебя доблестным в пастве Христовой. О, если бы нам, молитвами святынь, скорее принять тебя, любезная глава, здравствующим истинным здравием! Если у тебя есть какое-нибудь внимание к нам и если ты не совсем изгнал нас из своей памяти, удостой отписать к нам; этим ты весьма обрадуешь нас.